

Юрген Хабермас

МОРАЛЬНОЕ
СОЗНАНИЕ
И КОММУНИКАТИВНОЕ
ДЕЙСТВИЕ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. В. СКЛЯДНЕВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"НАУКА"
2000

УДК 14
ББК 87.3
X 12

Редакционная коллегия серии «Слово о сущем»
В. М. КАМНЕВ, Ю. В. ПЕРОВ (председатель),
К. А. СЕРГЕЕВ, Я. А. СЛИННИН, Ю. Н. СОЛОНИН

Ответственный редактор
Б. В. МАРКОВ

«Die Herausgabe dieses Werkes wurde aus Mitteln
von INTER NATIONES, Bonn, gefördert»

«Издание этого сочинения было поддержано средствами
Inter Naciones, Bonn»

Данное издание выпущено в рамках программы
Центрально-Европейского Университета
«Translation Project» при поддержке Центра по развитию
издательской деятельности (OSI — Budapest) и Института
«Открытое общество. Фонд Содействия» (OSIAF — Moscow).

ТН-2000-1-№ 14

ISBN 5-02-026810-0 («Наука»)

ISBN 3-518-28022-8 (Suhrkamp
Verlag)

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am
Main, 1983

© Издательство «Наука», 2000

© С. В. Шазан, перевод, 2000

© Б. В. Марков, послесловие, 2000

© Photo Isolde Ohlbaum

***(Фрагменты 4й главы из книги Ю. Хабермаса
«Моральное сознание и коммуникативное действие»)***

/. Основные философские допущения теории Кольберга

Лоренс Кольберг, работающий в традиции американского прагматизма, ясно сознает философские основания своей теории.¹ С момента выхода в свет «Теории справедливости» Ролза Кольберг использует прежде всего эту этику, примыкающую к Канту и учению о натуральном праве, использует для того, чтобы придать остроту своим философским воззрениям на «природу морального суждения», вдохновленным поначалу Мидом: «Эти исследования описывают черты „моральной точки зрения“, которая предполагает, что подлинно моральные суждения заключают в себе такие свойства, как беспристрастность, способность к обобщению, обратимость и прескриптивность».² Существует прежде всего три позиции, с точки зрения которых Кольберг вводит заимствованные в философии посылки: когнитивизм (а), универсализм (б) и формализм (в).

В дальнейшем мне хотелось бы (1) прояснить, почему этика дискурса лучше всего подходит, для того чтобы с позиций (а), (б) и (в) дать объяснение «моральной точке зрения». Затем я намерен (2) показать, насколько для этики дискурса необходимо то самое понятие «конструктивного обучения», которым оперируют Пиаже и Кольберг; тем самым она становится пригодной для описания когнитивных структур" выявляемых в процессах обучения. Наконец, (3) этика дискурса может дополнять теорию Кольберга еще и постольку, поскольку она, в свою

¹ Ср. в немецких трудах: *Eckensberger L. H.* (Hrsg). *Entwicklung des moralischen Urteilens*. Saarbrücken, 1978; последняя работа: *Lind C., Hartmann H., Wakenhut R.* (Hrsg.). *Moralisches Urteilen und soziale Umwelt*. Weinheim, 1983.

² *Kohlberg L.* A Reply to Owen Flanagan; см.: *Ethics*. 92. 1982; *Justice as Reversibility // Essays on Moral Development*. Vol.1. San Francisco, 1981. P. 190 ff.

очередь, отсылает к теории коммуникативного действия. Этой внутренней взаимосвязью мы и воспользуемся в нижеследующих разделах, для того чтобы обрести убедительные позиции для вертикальной реконструкции ступеней, которые проходит развитие морального суждения.

(1) Три аспекта, в которых Кольберг пытается прояснить понятие морального, учитываются во всех когнитивистских этиках, развиваемых в русле кантовской традиции. Позиция, представленная К.-О. Апелем и мною, обладает, однако, тем преимуществом, что основные допущения когнитивизма, универсализма и формализма можно вывести из морального принципа, обоснованного средствами этики дискурса. Для этого принципа я предложил следующую формулировку:

— Каждая действенная норма должна удовлетворять тому условию, что прямые и побочные действия, которые *общее* следование ей предположительно возымеет для удовлетворения интересов *каждого* отдельного индивида, могут быть без какого бы то ни было принуждения приняты *всеми*, до кого она имеет касательство (U).

(а) *Когнитивизм*. Так как принцип универсализации в качестве правила аргументации способствует установлению консенсуса относительно допускающих обобщение максим, его обоснование показывает в то же время, что морально практические вопросы могут быть разрешены с помощью обращения к неким основаниям. Моральные суждения обладают когнитивным содержанием; в них выражаются не только случайные чувственные установки, предпочтения или решения того или иного

субъекта речи или действия.³ Этика дискурса опровергает *этический скептицизм*, объясняя, как могут быть обоснованы моральные суждения. Ведь любая теория развития моральной способности суждения должна предполагать как уже данную эту возможность различать правильные и ложные моральные суждения.

(б) *Универсализм*. Из U непосредственно вытекает, что каждый, кто вообще принимает участие в аргументированных дискуссиях, в принципе может прийти к одинаковым суждениям относительно приемлемости тех или иных норм действий. Обоснованием принципа U этика дискурса оспаривает основное допущение *этического релятивизма*, гласящее, что значимость моральных суждений измеряется только рациональными или ценностными стандартами той культуры или жизненной формы, которой в том или ином случае принадлежит выносящий эти суждения субъект. Если бы моральные суждения не смели выдвигать притязания на всеобщую значимость, теория морального развития, с ее намерением указать всеобщие пути этого развития, с самого начала была бы обречена на неудачу.

(в) *Формализм*. Принцип U действует по типу некоего правила, которое элиминирует все конкретные ценностные ориентации, вплетенные в целое некоей частной жизненной формы или индивидуальной жизненной истории как не поддающиеся обобщению содержания, и тем самым из всех оценочных вопросов «добропорядочной жизни» сохраняет в качестве допускающих аргументированное решение только строго

³ Об этой эмотивистской позиции см.: *Harmann G. Das Wesen der Moral. F. a. M., 1981. S. 38 ff.*

нормативные вопросы справедливости. Приводя обоснование U, этика дискурса обращается против основных допущений так называемых *материальных этик*, ориентированных на вопросы счастья и онтологически выделяющих среди прочих тот или иной определенный тип нравственной жизни. Разрабатывая сферу свойственной нормам действий значимости должностования, этика дискурса отграничивает область того, что имеет моральную действенность, от области ценностных *содержаний* культуры. Только благодаря фильтру этой, строго деонтологической точки зрения нормативной правильности или справедливости из массы практических вопросов могут быть выделены те, что доступны для рационального разрешения. По ним и скроены моральные дилеммы Кольберга.

Конечно, содержание этики дискурса этим еще не исчерпывается. В то время как принцип универсализации указывает некое правило аргументации, основное морально-теоретическое представление, вместе с понятием «принятия идеальных ролей» заимствованное Кольбергом в теории коммуникации Джорджа Герберта Мида,⁴ выражается в принципе этики дискурса, согласно которому:

— каждая действенная норма нашла бы одобрение со стороны всех затрагиваемых ею лиц, если бы только они могли принять участие в каком-либо практическом дискурсе (D).

⁴ Место «идеального наблюдателя» заступает «идеальная языковая ситуация», для которой существенные прагматические предпосылки аргументации как таковой постулируются как уже выполненные. Ср.: *Alexy P. Eine Theorie des praktischen Diskurses // Oelmlil-ler W. (Hrsg.). Transzendentalphilosophische Normenbegründungen. Paderborn, 1978.*

Этика дискурса предлагает не какие-либо содержательные ориентиры, но опирающуюся на определенные предпосылки *процедуру*, которая должна гарантировать беспристрастность в формировании суждений. Как процедура, практический дискурс предназначен не для продуцирования оправданных норм, а для проверки того, насколько действительны гипотетически взвешенные нормы. Только этим процедурным характером этика дискурса отличается от *других* когнитивистских, универсалистских и формалистских этик, в том числе и от ролзовской теории справедливости. Принцип **D** позволяет осознать, что **U** выражает лишь нормативное содержание некоей процедуры дискурсивного волеобразования и потому его следует тщательно отличать от содержаний аргументации. *Все* содержания, сколь бы фундаментальные нормы действий ими ни затрагивались, нужно поставить в зависимость от реальных (или предпринимаемых в качестве замены, проводимых в целях защиты) дискурсов. Основоположение этики дискурса запрещает особо выделять, ссылаясь на философский авторитет, какие-либо определенные нормативные содержания (например, определенные принципы справедливого распределения) и *раз и навсегда* закреплять их средствами теории морали. Коль скоро какая-нибудь нормативная теория, наподобие теории справедливости Ролза, проникает в содержательные области, она расценивается всего лишь как некий, быть может, весьма компетентный вклад в проводимую практическую дискуссию, но не имеет отношения к философскому обоснованию «моральной точки зрения», характеризующей практические дискурсы *вообще*.

Процедурное определение моральной сферы уже содержит только что рассмотренные основные допущения

когнитивизма, универсализма и формализма и позволяет с достаточной остротой отделить когнитивные структуры от содержаний моральных суждений. В дискурсивных процедурах можно, в частности, обнаружить те операции, которых Кольберг требует в отношении моральных суждений на постконвенциональном уровне: полную *обратимость* точек зрения, с которых участники дискурса излагают свои аргументы; *универсальность* в смысле включенности всех заинтересованных лиц; наконец, *взаимность* в равном признании притязаний каждого участника со стороны всех остальных.

(2) С помощью принципов **U** и **D** этика дискурса выделяет признаки действенных моральных суждений, которые могут служить нормативным исходным пунктом для описания пути развития моральной способности суждения. Кольберг различает прежде всего *шесть ступеней морального суждения*, которые в измерениях обратимости, универсальности и взаимности могут быть поняты как *постепенное приближение* к структурам беспристрастной или справедливой оценки релевантных в моральном отношении конфликтов, возникающих при тех или иных действиях:

Таблица 1

Ступени морали (по Кольбергу)⁵

Уровень А. Преконвенциональный уровень

Ступень 1. Ступень наказаний и повиновения.

Содержание: правильным признается буквальное повиновение правилам и авторитету, избежание наказания и непричинение физического вреда.

1. Правильно избегать нарушения правил, повиноваться ради повиновения и избегать нанесения физического ущерба людям и их собственности.
2. Основаниями, для того чтобы поступать правильно, служат стремление избежать наказания и верховная власть авторитета.

Ступень 2. Ступень следования индивидуальным инструментальным целям и целям обмена.

1. Правильно следовать правилам, когда этого требуют чьи-либо непосредственные интересы. Правильно идти навстречу своим собственным интересам и потребностям и позволять другим делать то же самое. Правильно также то, что совершается честно, то есть равный обмен, справедливая сделка или соглашение.

2. Основанием, для того чтобы поступать правильно, служит соблюдение своих собственных потребностей или интересов в мире, где каждому приходится признать, что остальные тоже имеют свои интересы.

Уровень В. Конвенциональный уровень

Ступень 3. Ступень взаимных межличностных ожиданий, связей и согласия.

Содержание: правильным признается исполнение роли хорошего (обходительного) человека, забота о других и об их чувствах, преданность и доверие к партнерам, а также наличие мотивов для следования правилам и ожиданиям.

1. Правильно жить, сообразуясь с тем, чего ожидают от тебя твои близкие, или с тем, чего один человек вообще ожидает от другого в его роли сына, сестры, друга и т. п. «Быть хорошим человеком» весьма важно и подразумевает наличие веских мотивировок к тому, чтобы проявлять заботу об окружающих. Здесь подразумевается также поддержание межличностных связей, доверия, преданности, уважения и благодарности по отношению к другим людям.

2. Основаниями, для того чтобы поступать правильно, служат потребность выглядеть хорошим как в своих собственных глазах, так и в глазах окружающих, забота о других, а также то обстоятельство,

⁵ Kohlberg. 1981. P. 409 ff

что, поставив себя на место другого человека, ты желал бы хорошего обхождения с собой (Золотое правило).

Ступень 4. Ступень социальной системы и ее сознательного поддержания.

Содержание: правильным признается исполнение своих общественных обязанностей, охранение общественного порядка и поддержание благосостояния общества в целом или отдельной группы.

1. Правильно будет исполнять свои действительные обязанности, которые ты уже взял на себя. Законы должны охраняться, за исключением тех крайних случаев, когда они приходят в противоречие с другими четко установленными общественными обязанностями и правами. Правильно также способствовать процветанию общества в целом, какой-либо группы или учреждения.

2. Основаниями, для того чтобы поступать правильно, служат поддержание данного установления в целом, уважение к самому себе или сознание того, что определенные обязательства выполнены, а также постановка вопроса: «Что если бы каждый поступал таким же образом?».

Уровень С. Постконвенциональный или принципиальный уровень

Моральные решения генерируются правами, ценностями или принципами, с которыми согласны (или могли бы согласиться) все индивиды, составляющие или учреждающие то или иное общество в целях осуществления честных и взаимовыгодных практических действий.

Ступень 5. Ступень первоочередных прав и общественного договора или пользы для общества.

Содержание: правильным признается охранение базисных прав, ценностей и законных договоренностей, принятых в обществе, даже если они противоречат конкретным правилам и законам какой-либо группы.

1. Правильным будет осознать, что среди людей имеют хождение различные ценности и мнения, что большинство ценностей и правил имеют относительный характер. Эти «относительные» правила следовало бы, однако, охранять в интересах беспристрастности и постольку, поскольку они воплощают в себе общественный договор. Но некоторые безотносительные ценности и права, такие как жизнь и свобода, должны охраняться в любом обществе и вне зависимости от мнения большинства.

2. Основанием, для того чтобы поступать правильно, служит, в общем и целом, чувство обязанности повиноваться закону, поскольку общественный договор заключен, для того чтобы поступать по закону и сохранять верность ему ради блага всех людей и чтобы обеспечить свои собственные права и права других. Семейные, дружеские, доверительные и деловые обязательства тоже представляют собой некие заключенные по свободному решению соглашения или договоренности и подразумевают уважение к правам других людей. Каждый заинтересован в том, чтобы законы и обязанности основывались на рациональном исчислении общей пользы: «наибольшее благо для наибольшего числа людей».

Ступень 6. Ступень универсальных этических принципов.

Содержание: эта ступень руководствуется универсальными этическими принципами, которым должен следовать весь человеческий род.

1. В определении того, что признать правильным, шестая ступень руководствуется универсальными этическими принципами. Обычно частные законы и общественные соглашения имеют силу именно потому, что они покоятся на таких принципах. Если законы попирают эти принципы, люди поступают в соответствии с принципами. Принципы эти суть универсальные принципы справедливости: равенство человеческих прав и уважение достоинства отдельного человеческого существа как индивида. Они представляют собой не просто общепризнанные ценности, но и всеобщие принципы, используемые при принятии частных решений.

2. Основанием, для того чтобы поступать правильно, служит то обстоятельство, что, будучи разумным существом, ты усмотрел действенность этих принципов и обязался их соблюдать.

Переход от одной ступени к другой Кольберг понимает как *обучение*. Моральное развитие означает, что взрослеющий индивид таким образом перестраивает и дифференцирует так или иначе уже имеющиеся в его распоряжении когнитивные структуры, что он лучше, чем прежде, может решать проблемы, относящиеся к тому

же роду, а именно к основанному на достижении консенсуса улаживанию релевантных в моральном отношении конфликтов, к которым приводят те или иные действия. При этом подросток понимает свое собственное моральное развитие как процесс обучения. Ибо на каждой более высокой ступени он должен иметь возможность объяснить, в какой мере моральные суждения, которые рассматривались им в качестве правильных на предыдущей ступени, были ошибочными. Соглашаясь с Пиаже, Кольберг истолковывает этот процесс обучения как конструктивную работу обучающегося. Когнитивные структуры, лежащие в основе моральной способности суждения, должны объясняться не как обусловленные в первую очередь влияниями внешнего мира или врожденными программами и особенностями процесса созревания, ^как результат творческой реорганизации наличного когнитивного инвентаря, не способного справиться с проблемами, упрямо возникающими снова и снова.

Этика дискурса постольку согласуется с этой *конструктивистской* концепцией обучения, поскольку она понимает дискурсивное волеобразование (как и аргументацию вообще) как рефлексивную форму коммуникативного действия и требует для перехода от действия к дискурсу определенной *перемены установки*, к каковой, по-видимому, изначально не способен подрастающий ребенок, скованный рамками повседневной коммуникативной практики.

Притязания на значимость, на которые безусловно ориентируются участники повседневной коммуникативной практики, становятся, собственно, темой и проблематизируются в процессе аргументации. При этом участники дискуссии принимают гипотетическую установку в отношении спорных притязаний на значимость. Таким образом, в практическом дискурсе они оставляют пока в стороне действенность той или иной оспариваемой нормы — ведь именно в соревновании между пропонентом и оппонентом и должно впервые выясниться, *заслуживает* ли она того, чтобы быть признанной, или нет. Смена установки при переходе от коммуникативного действия к дискурсу в случае обсуждения вопросов справедливости осуществляется так же, как и при обсуждении вопросов истинности. То, что при наивном подходе к вещам и событиям до сих пор считалось «фактом», теперь должно рассматриваться как то, что может как существовать, так и не существовать. И подобно тому, как факты превращаются в «обстояния вещей», которые могут иметь, а могут и не иметь места, устоявшиеся социальные нормы превращаются в варианты урегулирования, которые могут быть либо приняты как действенные, либо отринуты как лишённые действенности.

Если же теперь, в ходе мысленного эксперимента, представить себе фазу взросления, стянутой к некоему уникальному, критическому моменту времени, в который юноша словно впервые, и в то же время с непреклонной и всепроницающей решимостью, принимает гипотетическую установку по отношению к нормативным контекстам своего жизненного мира, то будет выявлена *природа проблемы*, с которой надлежит справиться каждому, кто совершает переход от конвенционального уровня морального суждения к постконвенциональному. Устоявшийся в силу наивной привычки, стяжавший безоговорочное признание социальный мир межличностных отношений, регулируемых посредством закона, враз лишается своих корней и своей значимости, присущей ему от природы.

Если в этом случае юноша не может и не хочет возвращаться к традиции и к бесспорной самотождественности того мира, откуда он ведет свое происхождение, он должен (под угрозой полной дезориентации) на уровне основных понятий

восстановить порядки и нормативы, распавшиеся под его разоблачительным взглядом, как только он принял гипотетическую установку. Они должны быть, таким образом, воссозданы на развалинах традиций, утративших свою ценность после того, как был распознан их всего лишь конвенциональный и нуждающийся в оправдании характер, чтобы вновь возведенное строение устояло перед более трезвым критическим взглядом человека, который уже не может и в дальнейшем не проводить различия между социально значимыми и действительными, между получившими фактическое признание и еще только *достойными* признания нормами. Прежде всего сюда относятся принципы, по которым может быть спланировано новое строение и созданы действительные нормы; напоследок же всегда остается некая процедура рационально мотивируемого выбора между принципами, которые в свою очередь признаются нуждающимися в оправдании. Соразмеряемая с повседневными моральными действиями смена установки, которой этика дискурса требует для особо выделяемой ею процедуры, а именно для перехода к аргументированной дискуссии, сохраняет в себе нечто неестественное — она подразумевает разрыв с наивностью напрямую выдвигаемых притязаний на значимость, с интересубъективным признанием которых всегда связана повседневная коммуникативная практика. Эта неестественность является отголоском той катастрофы в развитии, которая некогда и в историческом плане обозначила обесценение мира традиции и спровоцировала приложение напряженных усилий для его реконструкции на более высоком уровне. Таким образом, в ставший уже привычным для взрослого человека переход от руководствующегося нормами действия к испытующему нормы дискурсу уже встроено то, чего Кольберг в качестве конструктивного процесса обучения требует для *всех* ступеней развития.

(3) Однако теория Кольберга требует не только намеченного в пункте (1) прояснения *центрального нормативного пункта* морального развития и экспликации рассмотренного в пункте (2) понятия обучения, но также и анализа *иерархической модели*. Эту заимствованную опять-таки у Пиаже модель поступенного развития некоторой компетенции, в данном случае, стало быть, моральной способности суждения, Кольберг описывает с помощью трех сильных гипотез:

I. Ступени морального суждения образуют инвариантную, необратимую и последовательную очередность дискретных структур. Этим допущением исключается, что:

различные испытуемые достигают одной и той же цели различными путями развития; один и тот же испытуемый совершает регресс от более высокой к более низкой ступени; и в ходе своего развития он скачком минует какую-либо из ступеней.

II. Ступени морального суждения образуют иерархию в том смысле, что когнитивные структуры более высокой ступени «снимают» таковые структуры той или иной более низкой ступени, то есть в одно и то же время и замещают, и сохраняют их в реорганизованной и дифференцированной форме.

III. Каждую ступень морального суждения можно охарактеризовать как некое структурированное целое. Этим допущением исключается, что испытуемому в данный момент времени приходится выносить суждение относительно различных моральных содержаний на различных уровнях. Неисключенными — ©стаются так называемые феномены смещения, в которых проявляется последовательное закрепление вновь приобретенных структур.

Ядро этой модели образует, как видно, вторая гипотеза. Две другие гипотезы можно ослаблять или модифицировать, но с представлением о некоем пути развития, который можно описать как *иерархически упорядоченную последовательность структур*, модель поступенного развития связана от начала и до конца. Вместо понятия иерархической упорядоченности Кольберг и Пиаже применяют также понятие «логики

развития». Это выражение выдает прежде всего некое замешательство перед лицом того факта, что предполагаемые когнитивные структуры, относящиеся к следующим друг за другом ступеням, хотя и состоят в неких интуитивно постижимых внутренних отношениях друг к другу, ускользают тем не менее от анализа, развертываемого исключительно в логико-семантических понятиях. Кольберг оправдывает логику развития своих шести ступеней морального суждения, подчиняя их соответствующим социоморальным перспективам.

Таблица 2
Социальные перспективы (по Кольбергу)⁶

Ступень 1. Данная ступень характеризуется эгоцентрической точкой зрения. На этой ступени индивид не учитывает интересов других людей и не осознает их отличными от интересов актора, а также не соотносит между собой две различные точки зрения. Действия оцениваются скорее в терминах физической последовательности, а не в терминах психологической заинтересованности других лиц. Авторитетная точка зрения смешивается со своей собственной.

Ступень 2. Эта ступень придерживается точки зрения конкретного индивида. На этой ступени индивид отделяет собственные интересы и точки зрения от интересов и точек зрения авторитетов и других людей. Он сознает, что каждый должен преследовать свои индивидуальные интересы, а последние противоречат друг другу так, что право становится относительным (в конкретном индивидуалистическом смысле). Индивид интегрирует противоречащие друг другу индивидуальные интересы или соотносит их друг с другом посредством инструментального обмена услугами ввиду инструментальной потребности в других людях и в их доброй воле, или посредством честного придания каждому лицу одинаковой значительности.

Ступень 3. Эта ступень принимает точку зрения индивида в его отношении к другим индивидам. На этой ступени индивид сознает разделяемые им с другими чувства, а также соглашения и ожидания, которые получают первенство перед индивидуальными интересами. С помощью «конкретизированного Золотого правила» он соотносит между собой различные точки зрения, переносясь в положение другого лица. Однако он не принимает в расчет обобщенную «системную» точку зрения.

Ступень 4. Эта ступень отличает общественную точку зрения от межличностных соглашений или мотивов. На этой ступени индивид принимает системную точку зрения, определяющую роли и правила игры. Он принимает во внимание отношения между индивидами с точки зрения того места, какое они занимают в системе.

Ступень 5. Эта ступень характеризуется принятием точки зрения общественных приоритетов, свойственной индивиду, сознающему ценности и праве, приоритетные для общественных соглашений и договоров. Индивид интегрирует различные перспективы с помощью формальных механизмов согласия, договора, объективной беспристрастности — и соответствующих процессов. Он принимает во внимание моральную точку зрения и точку зрения закона, осознает противоречие между ними и затрудняется их интегрировать.

Ступень 6. Для этой ступени характерна перспектива моральной точки зрения, из которой выводятся или на которой основываются общественные установления. Эта точка зрения свойственна любому разумному индивиду, сознающему природу морали или основную моральную предпосылку, требующую уважения к другому как к цели, а не к средству.

Кольберг описывает социоморальные перспективы таким образом, что их соотнесенность со ступенями морального суждения ясна интуитивно. Впрочем, это правдоподобие покупается тем, что в его описании социально-когнитивные условия моральных суждений уже смешиваются со структурами самих этих суждений. К тому же социально-когнитивные условия проанализированы не настолько остро, чтобы можно было сразу же увидеть, почему приводимая очередность иерархична в смысле

⁶ Ibid.

логики развития. Быть может, эти сомнения удастся унять, если кольберговы социоморальные перспективы заменить ступенями смены перспектив, которые к тому времени исследовал Р. Селман.⁷ Мы увидим, что такой шаг действительно бесполезен, но его недостаточно для оправдания приведенных моральных ступеней.

Сначала нужно еще показать, что описания, предлагаемые Кольбергом в табл. 1, соотносятся с условиями, на которых строится иерархическая модель логики развития. Эта задача разрешается на пути анализа понятий. У меня создалось впечатление, что эмпирические изыскания только тогда могут повести нас дальше, когда им в виде реконструктивной гипотезы уже предложено интересное и достаточно точное решение. В дальнейшем мне хотелось бы проверить, может ли подход, основанный на этике дискурса, чем-либо помочь в разрешении этой проблемы.

Этика дискурса использует трансцендентальные аргументы, коими демонстрируется неустранимый характер определенных условий. С их помощью оппоненту можно показать, что в перформативном плане он пользуется такими средствами, которые должны быть устранены, и тем самым впадает в перформативное противоречие.⁸ При обосновании принципа U дело идет, в частности, об идентификации прагматических предпосылок, без которых не может начаться аргументативная игра. Каждый, кто принимает участие в практике аргументации, должен пойти на эти нормативно-содержательные условия, альтернативы для которых не существует. Уже в силу того, что сами они отдаются процессу аргументации, участники дискуссии вынуждены признать этот факт. Трансцендентально-прагматическое *доказательство* служит, таким образом, тому, чтобы довести до нашего сознания тот круг условий, в котором мы, не имея возможности *ускользнуть в какую-либо альтернативу*, всегда обнаруживаем себя в нашей аргументативной практике; отсутствие же альтернатив означает, что эти условия неизбежны для нас фактически.

Хотя этот факт разума и не удастся *обосновать* дедуктивно, его можно тем не менее *прояснить* следующим шагом понимая аргументирующую речь как особую и притом весьма примечательную разновидность действия, ориентированного на достижение взаимопонимания. Только в том случае, если мы возвращаемся в сферу теории действия и рассматриваем дискурс как продолжение коммуникативного действия иными средствами, мы понимаем собственную суть этики дискурса: в коммуникативных предпосылках аргументации мы можем найти содержание принципа U, потому что аргументированные дискуссии представляют собой отрефлектированную форму коммуникативного действия и что в структурах ориентированного на взаимопонимание действия всегда уже предположены те отношения взаимности и признания, вокруг которых вращаются *все* моральные идеи — как в повседневной жизни, так и в философских этических учениях. Правда, эта суть, как видно уже из кантовского обращения к «факту разума», имеет некую натуралистическую коннотацию; но она никоим образом не возникает в силу ложного натуралистического вывода. Ибо и Кант, и представители этики дискурса опираются на такие аргументы, с помощью которых они, находясь в рефлексивной установке, а не в эмпирической установке объективирующего наблюдателя, обращают внимание на неустранимость тех всеобщих предпосылок, которым *всегда уже* подчинена наша

⁷ Selman R. L. The Growth of Interpersonal Understanding. New York, 1980.

⁸ Lenk H. Logikbegründung und rationaler Kritizismus // Z. Ph. For-schung. 1970. 24. S. 183 ff.

повседневная коммуникативная практика и которые мы не можем «выбирать», как выбираем марку автомобиля или ценностные постулаты.

Трансцендентальный способ обоснования отвечает встроенности практического дискурса во взаимосвязи коммуникативного действия; в этом отношении этика дискурса отсылает к теории коммуникативного действия (и сама обусловлена ей). Именно от нее мы можем ожидать помощи в вертикальном реконструировании ступеней морального сознания, ибо она касается структур опосредуемой языком и руководствующейся нормами интеракции, в которых *связано вместе* то, что аналитически разделено в психологии в аспекте смены перспектив, морального суждения и действия.

Кольберг возлагает бремя обоснования логики развития на социоморальные перспективы. В этих социальных перспективах должны выражаться способности социального познания; но приведенные в табл.2 ступени не совпадают со ступенями смены перспектив, предложенными Селманом. Нужно будет отделить друг от друга два измерения, которые сливаются в описании Кольберга: саму перспективную структуру и те представления о справедливости, которые «заимствуются» в том или ином социально-когнитивном инвентаре. Эти нормативные точки зрения не приходится «протаскивать», поскольку основным понятиям «социального мира» и «руководствующейся нормами интеракции» внутренне уже присуще моральное измерение.

При построении своей концепции Кольберг, по-видимому, тоже исходит из понятий конвенциональной ролевой структуры. С ней ребенок знакомится сначала в частном виде на третьей ступени, чтобы затем получить обобщенное представление на четвертой. Ту ось, вокруг которой словно вращаются социальные перспективы, образует «социальный мир» как совокупность межличностных взаимодействий, институционально упорядоченных и потому обладающих легитимной значимостью в социальной группе. На *первых двух ступенях* подросток еще не располагает этими концептами, тогда как на *двух последних* он достигает той позиции, благодаря которой отвлекается от конкретного общества и может проверить действенность существующих норм. Благодаря этому переходу те основные понятия, в которых для подростка конституировался социальный мир, превращаются непосредственно в основные моральные понятия. Эти взаимосвязи между социальным познанием и моралью я и хотел бы проследить с помощью теории коммуникативного действия. Попытка прояснить в ее рамках предложенные Кольбергом социальные перспективы обещает ряд некоторых преимуществ.

Концепция действия, ориентированного на достижение взаимопонимания, содержит в себе нуждающиеся в разъяснении понятия «социального мира» и «руководствующейся нормами интеракции». Социоморальная перспектива, которую подросток формирует на третьей и четвертой ступенях и которой он научается пользоваться рефлексивно на пятой и шестой, может быть встроена в систему *мировых перспектив*, которые в соединении с системой *перспектив говорящего* лежат в основе коммуникативного действия. Кроме того, взаимосвязь между концепциями мира и *притязаниями на значимость* открывает возможность соединить рефлексивную установку в отношении «социального мира» (у Кольберга это «перспектива общественных приоритетов») с гипотетической установкой участника процесса аргументации, тематизирующей соответствующие притязания на значимость; тем самым можно будет объяснить, почему «моральная точка зрения», понимаемая в

аспекте этики дискурса, вытекает из рефлексивного осознания конвенциональной ролевой структуры.

Этот подход с позиции теории действия позволяет понимать развертывание социоморальных перспектив во взаимосвязи с достижением *децентрированного миропонимания*. Кроме того, он привлекает наше внимание к структурам самих интеракций, в горизонте которых подросток конструктивным образом усваивает основные социально-когнитивные понятия. Понятие коммуникативного действия можно рассматривать в качестве исходного пункта для реконструирования ступеней интеракции. Эти *ступени интеракции* можно описать с помощью перспективных структур, которые так или иначе воплощены в различных типах действия. Поскольку эти воплощенные и интегрированные в интеракциях перспективы непринужденно подчиняются порядку, устанавливаемому логикой развития, ступени морального суждения можно, наконец, обосновать, двигаясь от моральных ступеней Кольберга через социальные перспективы к ступеням интеракции. Этой цели служат следующие шаги.

Прежде всего я напомним некоторые результаты, к которым пришла теория коммуникативного действия, чтобы показать, каким образом понятие социального мира образует составную часть децентрированного миропонимания, лежащего в основе ориентированного на взаимопонимание действия (II). В этом случае исследования смены перспектив, проведенные Флавелем и Селманом, должны послужить исходным пунктом для анализа двух ступеней интеракции; при этом я хочу проследить преобразование преконвенциональных типов действия по двум направлениям — как стратегического действия, так и действия, регулируемого нормами (III). Далее мне хотелось бы на основе анализа понятий прояснить, как введение в коммуникативное действие гипотетической установки способствует образованию взыскательной коммуникативной формы дискурса; как из рефлексивного осмысления «социального мира» вытекает моральная точка зрения; и как, наконец, ступени морального суждения можно объяснить сведением их через социальные перспективы к ступеням интеракции (IV). Это обоснование моральных ступеней, выполненное с точки зрения логики развития, должно получить подтверждение в дальнейших эмпирических исследованиях; пока же я хочу использовать наши рассуждения только для того, чтобы прояснить некоторые из аномалий и нерешенных проблем, которые стоят сегодня перед теорией Кольберга (V).

//. О перспективной структуре действия, ориентированного на достижение взаимопонимания

Я назову теперь некоторые концептуальные аспекты действия, ориентированного на достижение взаимопонимания (1), и вкратце обрисую, как связанные между собой понятия социального мира и действия, регулируемого нормами, вытекают из децентрированного миропонимания.

(1) Содержание понятия коммуникативного действия я подробно объяснил в другом месте;⁹ здесь же мне хотелось бы напомнить те наиболее важные точки зрения,

⁹ *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. F. a. M., 1981; а также: Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. F. a. M., 1984.*

опираясь на которые я предпринял настоящее формально-прагматическое исследование.

(а) *Ориентация на взаимопонимание или ориентация на успех.* Социальные интеракции могут быть более или менее кооперативными и стабильными, более или менее конфликтными и нестабильными. Вопросу о том, как возможен социальный порядок, задаваемому в рамках теории общества, в теории действия соответствует вопрос о том, как участники интеракции (по меньшей мере двое), могут координировать планы своих действий таким образом, чтобы Другой, не возбуждая конфликта и во всяком случае избегая риска прервать интеракцию, мог «соединить» свои действия с действиями Я. Поскольку акторы ориентируются исключительно на достижение *успеха*, то есть на *последствия* своих действий, постольку они стараются достичь своих целей, оказывая внешнее влияние на понимание ситуации их соперником, на его решения и мотивы, с использованием оружия или подкупа, угроз или посулов. Координация действий субъектов, которые, таким образом, обращаются друг с другом *стратегически*, зависит от того, насколько эгоцентрический подсчет собственной выгоды уравнивается подсчетом выгоды с противной стороны. Тогда степень кооперации и стабильности зависит от удовлетворения интересов участников взаимодействия. В противоположность этому я говорю о *коммуникативном* действии, когда акторы идут на то, чтобы внутренне согласовывать между собой планы своих действий и преследовать те или иные свои цели только при условии *согласия* относительно данной ситуации и ожидаемых последствий, которое или уже имеется между ними, или о нем еще только предстоит договориться. В обоих случаях предполагается телеологическая структура действия, поскольку актерам приписывается способность к целенаправленному действию и заинтересованность в осуществлении своих планов. Но *стратегическая модель* может довольствоваться описанием структур действия, непосредственно ориентированного на достижение успеха, в то время как *модель действия, ориентированного на достижение взаимопонимания*, должна определить специфические условия для достигаемого в процессе коммуникации согласия, при которых Другой может соединить свои действия с действиями Я.¹⁰

(б) *Взаимопонимание, как механизм координации действий.* Понятие коммуникативного действия определено таким образом, что акты взаимопонимания, связующие между собой планы действий различных участников и соединяющие целенаправленные действия в единую и связную интеракцию, не могут быть, в свою очередь, сведены к телеологическому действию.¹¹ Процессы взаимопонимания нацелены на достижение согласия, которое зависит от рационально мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания. Согласие невозможно навязать другой стороне, к нему нельзя обязать соперника, манипулируя им: то, что *явным образом* производится путем внешнего воздействия, нельзя *считать* согласием. Последнее всегда покоится на общих убеждениях. Формирование убеждений можно проанализировать по реакции на приглашение к речевому акту. Речевой акт удастся только тогда, когда другой человек принимает содержащееся в нем приглашение, занимая, пусть даже косвенным образом, утвердительную позицию по отношению к

¹⁰ Habermas. 1971. Bd 1. S. 127 ff.

¹¹ Ср.: Apel K.-O. Intentions, Conventions and Reference to things // Parrel H., Vouveresse J. (Eds). Meaning and Understanding. Bin., 1981. P. 79 ff. См. его же: LaBt sich ethische Vernunft von strategischer Ratio-nalität unterscheiden? (MS. F. a. M., 1983).

притязанию на значимость, которое может быть подвергнуто принципиальной критике.¹²

(в) *Ситуация действия и ситуация речи.* Если мы вообще понимаем действие как процесс овладения некоей ситуацией, то понятие коммуникативного действия наряду с телеологическим аспектом проведения в жизнь того или иного плана действий выделяет в этом процессе коммуникативный аспект совместного истолкования ситуации, и вообще, аспект достижения консенсуса. *Ситуация* представляет собой некий фрагмент, выделенный в жизненном мире применительно к той или иной теме. *Тема* возникает в связи с интересами и целями участников действия; она очерчивает *релевантную область* тематизируемых предметов. Индивидуальные *планы действий* акцентируют тему и определяют *актуальную потребность во взаимопонимании*, которая должна быть удовлетворена в ходе интерпретативной работы. В этом аспекте ситуация действия есть одновременно ситуация речи, в которой действующие лица попеременно принимают на себя *коммуникативные роли* говорящего, адресата и соприсутствующих при этом лиц. Этим ролям соответствуют точки зрения первого и второго лица, как перспективы участников коммуникации, и точка зрения третьего лица, как перспектива наблюдателя, в которой отношение Я—Ты можно наблюдать и тем самым опредмечивать в качестве интерсубъективной взаимосвязи. Эта система *перспектив говорящего* перекрещивается с системой *мировых перспектив* (см. ниже (ж)).

(г) *Фон жизненного мира.* Коммуникативное действие можно понимать как круговой процесс, в котором положение актора двояко: он является *инициатором* действий, рассчитав которые, можно овладеть той или иной ситуацией; и в то же время *продуктом* традиций, в которых он живет, сплоченных групп, к которым он принадлежит, и процессов социализации, в которых он достигает зрелости.

В то время как сопряженный с той или иной ситуацией фрагмент жизненного мира в качестве некоей проблемы надвигается на действующего индивида, так сказать, спереди, сзади его {‘поддерживает жизненный мир, который не только образует *контекст* процессов понимания, но и предоставляет для них *ресурсы*. Тот или иной общий для многих жизненный мир предлагает определенный запас культурных самоочевидностей, из которого участники коммуникации в своих интерпретативных усилиях заимствуют устраивающий всех образец истолкования.

Эти устоявшиеся в культуре фоновые допущения составляют лишь одну компоненту жизненного мира; сплоченность групп, интегрированных на основе тех или иных ценностей, и компетенции образующих общество индивидов, в ином отношении, как культурные традиции, тоже служат ресурсами для действий, ориентированных на достижение взаимопонимания.¹³

(д) *Процесс взаимопонимания между миром и жизненным миром.* *Жизненный мир* образует, таким образом, интуитивно уже заранее понимаемый *контекст* ситуации действия; в то же время он поставляет *ресурсы* для процессов истолкования, в которых участники коммуникации стараются покрыть возникающую в той или иной ситуации действия *потребность во взаимопонимании*. Но если участники коммуникативного действия хотят по взаимному согласию претворить в жизнь свои планы на основе общего понимания ситуации действия, то им приходится договариваться *о чем-то происходящем в мире*. При этом они выдвигают формальный концепт мира (как

¹² Habermas. 1981. Bd 2. S. 82 ff.

¹³ Habermas. 1981. Bd 1. S. 385 ff.

совокупности существующих обстоятельств вещей) в качестве той системы отсчета, с помощью которой они могут решить, что в том или ином случае имеет или не имеет места. Однако изложение фактов представляет собой лишь одну из многих функций языкового общения. Речевые действия служат не только для представления (или предвосхищения) состояний и событий, когда говорящий ссылается на что-либо существующее в *объективном мире*. Они служат еще и для установления (или возобновления) межличностных отношений, когда говорящий ссылается на что-либо в *социальном мире* интеракций, регулируемых на основании закона, а также для манифестации переживаний, то есть для самопредставления, когда говорящий ссылается на что-либо в *субъективном мире*, к которому у него есть привилегированный доступ. В основу своих усилий по достижению взаимопонимания участники коммуникации кладут систему отсчета, состоящую не менее чем из трех миров. Таким образом, согласие в повседневной коммуникативной практике может опираться одновременно на разделяемое несколькими субъектами пропозициональное знание, на согласие в нормативном плане и на взаимное доверие.

(е) *Ссылки на мир и притязания на значимость*. Достигают ли участники коммуникации согласия, определяется по тем позициям приятия-неприятия, исходя из которых адресат приемлет или отвергает выдвинутые говорящим притязания на значимость. В установке, ориентированной на взаимопонимание, говорящий *каждым* своим членораздельным высказыванием выдвигает притязание на то, что:

произнесенное высказывание истинно (то есть предпосылки существования указанного пропозиционального содержания соответствуют действительности);

с учетом данного., нормативного контекста речевое действие правильно (то есть, что легитимен сам нормативный контекст, которому оно подчинено); и

в манифестируемой речевой интенции подразумевается то же, что и выражается явно.

Кто отклоняет приглашение к членораздельному речевому акту, тот оспаривает действительность того или иного высказывания по крайней мере в одном из трех аспектов: *истинности*, *правильности* или *правдивости*. Своим «нет» он заявляет о том, что высказывание не выполняет по меньшей мере одну из своих функций (представления обстоятельств вещей, обеспечения межличностной связи или манифестации переживаний), поскольку оно не согласуется либо с *этим* миром объективно существующих обстоятельств вещей, либо с *нашим* миром легитимно упорядоченных межличностных отношений, либо с *тем или иным* миром субъективных переживаний. В нормальных условиях повседневной коммуникации эти аспекты никоим образом не различаются отчетливо; но в случае, когда возникает разлад и проблемы упрямо не хотят разрешаться, компетентные субъекты речи могут провести различие между отдельными *ссылками на мир*, тематизировать отдельные *притязания на значимость* и настроиться на то, что в том или ином случае выступает перед ними как нечто объективное, нормативное или субъективное.

(ж) *Мировые перспективы*. Итак, если эксплицировать структуры ориентированного на взаимопонимание действия, руководствуясь точками зрения, указанными в пунктах (а)—(е), то можно осознать те *возможности*, которыми, согласно данному анализу, располагает компетентный субъект речи. У него в принципе есть выбор между *когнитивным*, *интерактивным* и *экспрессивным модусом применения языка* и соответствующими классами *констативных*, *регулятивных* и *репрезентативных речевых действий*, для того чтобы в аспекте

некоего универсального притязания на значимость сосредоточиться либо на вопросах истинности, либо на вопросах справедливости, либо на вопросах вкуса или самовыражения личности. У него есть выбор между *триада фундаментальными* установками и соответствующими мировыми перспективами. Кроме того, децентрированное миропонимание позволяет ему принимать в отношении внешней природы не только *объективирующую*, но и *нормосообразующую* или *экспрессивную* установку; в отношении общества — не только нормосообразующую, но и объективирующую или экспрессивную; в отношении внутренней природы — не только экспрессивную, но и объективирующую или нормосообразующую установку.

(2) *Децентрированное миропонимание* предполагает, таким образом, дифференциацию ссылок на мир, притязаний на значимость и основных установок. Этот процесс сводится, в свою очередь, к *проведению различий между миром и жизненным миром*. В каждом сознательно осуществляемом коммуникативном процессе в той или иной мере воспроизводится эта дифференциация, с трудом усваиваемая в ходе онтогенеза речевой и деятельностной способности: от рассеянного, только интуитивно присутствующего и абсолютно достоверного фона жизненного мира отделяются сферы тех предметов, *о которых* в том или ином случае может быть достигнуто нетвердое согласие. Чем дальше продвигается эта дифференциация, тем яснее становятся различимы, с одной стороны, горизонт бесспорных, intersubъективно разделяемых и нетематизируемых самоочевидностей, остающийся за спиной участников коммуникации; а с другое — то, что в качестве конституированных в их внутреннем мире содержаний коммуникации находится перед ними — объекты, которые они могут воспринимать и которыми могут манипулировать, обязующие нормы, которые они могут соблюдать или нарушать, а также привилегированным образом доступные переживания, которые они могут манифестировать. В какой мере участники коммуникации воспринимают то, относительно чего они хотят достичь взаимопонимания, в качестве *чего-то существующего в мире*, чего-то отрешенного от образованного жизненным миром фона и на этом фоне выдающегося, в той мере явным образом *удостоверенное* отличается от имплицитно сознаваемых *достоверностей*, а передаваемые друг другу содержания приобретают характер знания, которое подразумевает возможность обоснования, притязает на действенность и критикует ее, и потому не без оснований может быть оспорено.¹⁴

Для наших намерений важно отличать мировые перспективы от перспектив говорящего. С одной стороны, участники коммуникации должны обладать определенной компетенцией, чтобы в случае надобности принять в отношении существующих обстоятельств вещей объективирующую, в отношении регулируемых на основании закона межличностных отношений — нормосообразующую, а в отношении собственных переживаний — экспрессивную установку (и еще раз варьировать эти установки в зависимости от соотносительности с каждым из трех миров). С другой стороны, для того чтобы иметь возможность *договориться друг с другом относительно чего-либо* существующего в объективном, социальном или субъективном мире, они должны также принять установки, сопряженные с коммуникативными ролями первого, второго и третьего лица.

¹⁴ Это излишне упрощенное противопоставление пренебрегает различием между теми составляющими жизненного мира, которые *ни разу* не были извлечены и тематизированы из интуитивно наличествующего фонового знания, и теми хотя бы *однажды* тематизированными его составляющими, которые были вновь интегрированы в жизненный мир и тем самым признаны бесспорными *вторично* (на это мое внимание обратил У. Маттисен).

Децентрированное миропонимание характеризуется, таким образом, **комплексной перспективной структурой, вбирающей в себя** как перспективы, обоснованные в рамках заданной тремя мирами формальной системы отсчета и связанные с **установками по отношению к миру**, так и перспективы, заложенные в самой речевой ситуации и связанные с **коммуникативными ролями**. Грамматическими коррелятами этих мировых и субъективных перспектив выступают три основных модуса употребления языка, с одной стороны, и система личных местоимений — с другой.

Решающим доводом в пользу нашей постановки вопроса является здесь то, что в ходе **развития** этой комплексной перспективной структуры мы получаем в свои руки также и ключ к желанному обоснованию ступеней морали на основе логики развития. Прежде чем в двух последующих разделах я обращусь к соответствующим исследованиям, мне хотелось бы привести основную мысль, которой я при этом буду руководствоваться.

Я убежден, что ведущий к децентрированному миропониманию **онтогенез мировых перспектив и перспектив говорящего** поддается прояснению только во взаимосвязи с развитием соответствующих структур интеракции. Если мы, вместе с Пиаже, отправляемся от действия, то есть от **активного разбирательства конструктивно обучающегося** субъекта с **окружающим его миром**, то, во-первых, нетрудно допустить, что комплексная система перспектив вырастает из двух корней: с одной стороны, из перспективы наблюдателя, которую ребенок приобретает в ходе воспринимающее манипулирующего обращения с окружающим его физическим миром, а с другой — из взаимно соотнесенных друг с другом перспектив отношения Я—Ты, которые усваиваются ребенком в символически опосредованном обращении «соответствующими лицами» (в рамках социализирующей интеракции). Перспектива наблюдателя закрепляется позднее в объективирующей установке по отношению к внешней природе (то есть к миру существующих обстоятельств вещей), в то время как перспективы отношения Я—Ты упрочиваются в тех установках первого и второго лица, которые связаны с коммуникативными ролями говорящего и слушателя. Этой стабилизацией они обязаны преобразованию и дифференциации исходных перспектив: перспектива наблюдателя встраивается в систему мировых перспектив, а перспективы Я—Ты восполняются до системы перспектив говорящего. При этом развитие структур интеракции может служить путеводной нитью для реконструкции этих процессов.

Во-вторых, я рассмотрю следствия той гипотезы, согласно которой **восполнение системы перспектив говорящего** проходит в два шага, которые можно грубо выделить в их развитии. С точки зрения структуры преконвенциональная ступень интеракции может быть понята как воплощение перспектив Я—Ты, усвоенных в ходе выполнения ролей говорящего и слушателя, в определенные типы действия. Тогда введение перспективы наблюдателя в область интеракции и сопряжение ее с перспективами Я—Ты позволяет вывести координирование действий на новый уровень. В результате обеих этих трансформаций возникает полноценная система перспектив говорящего: коммуникативные роли первого, второго и третьего лица объединяются только после перехода к конвенциональной ступени интеракции.

По-другому **восполняется система мировых перспектив**. Чтобы реконструировать этот процесс, мы можем опереться на то наблюдение, что на конвенциональной ступени интеракции друг другу противостоят два новых типа действия, а именно стратегическое действие и руководствующаяся нормами интеракция. Поскольку, интегрируя перспективу наблюдателя в область интеракции,

ребенок научается воспринимать такие интеракции — и свое участие в них — в качестве процессов, происходящих в объективном мире, постольку по линии конфликтного поведения, направленного на реализацию собственных интересов, может сформироваться тип действий, ориентированных чисто на достижение успеха. Но одновременно с привыканием к стратегическому образу действий в поле зрения вступает и альтернативная возможность нестратегического действия. И коль скоро **восприятие** социальных интеракций дифференцируется в этом смысле, подросток не может уклониться от императива, обязующего его на конвенциональном уровне реорганизовать также и будто бы оставленные в стороне типы нестратегического действия. При этом социальный мир руководствующихся нормами интеракции, которые могут быть тематизированы, отделяется от фонового жизненного мира.

Я намерен поэтому, в-третьих, развить гипотезу, согласно которой введение перспективы наблюдателя в область интеракции дает также импульс к тому, чтобы конституировать социальный мир, а также оценить те или иные действия с точки зрения соблюдения или нарушения норм, получивших общественное признание. Для того, кто принадлежит к социальному миру, последний составляет в точности из тех норм, которые определяют, какие интеракции в том или ином случае входят в совокупность оправданных межличностных отношений; все акторы, для которых имеет силу такой набор норм, принадлежат одному и тому же социальному миру. А кроме - {ого, с понятием социального мира связана и нормособбразующая установка, то есть та **перспектива**, в которой говорящий соотносится с общепризнанными нормами.¹⁵

Основные социально-когнитивные понятия «социального мира» и «руководствующегося нормами взаимодействия» формируются, таким образом, в рамках децентрированного миропонимания, обязанного своим возникновением дифференциации мировых перспектив и перспектив говорящего. Эти весьма сложные предпосылки кольберговых социальных перспектив должны, наконец, вложить в наши руки путеводную нить, для того чтобы свести ступени морального суждения к ступеням интеракции.

В дальнейшем речь может идти только о том, чтобы, опираясь на имеющиеся эмпирические исследования, сделать достаточно убедительными только что изложенные допущения относительно онтогенеза мировых перспектив и перспектив говорящего. Такая гипотетическая реконструкция в лучшем случае может послужить руководством для дальнейших исследований. Конечно, наши гипотезы требуют проведения не без труда устанавливаемого различия между (а) коммуникативными ролями и перспективами говорящего, (б) осуществлением этих перспектив в различных типах интеракции и (в) перспективной структурой такого миропонимания, которое допускает выбор между основными установками по отношению к Объективному, социальному и субъективному миру. Я сознаю трудности, вытекающие из того, что Mife придется извне **применить** аналитические точки зрения, приведенные в пунктах (а), (б) и (в), к материалу, обнаруженному в предшествующих исследованиях.

IV. К вопросу об обосновании моральных ступеней с точки зрения логики развития

¹⁵ Соответствующая гипотеза для построения внутреннего мира, отграниченного от мира объективного и мира социального, интересует нас лишь постольку, поскольку с этим субъективным миром переживаний, которые могут быть при случае тематизированы, связана еще одна основная установка и третья перспектива, *восполняющая систему мировых перспектив*.

После *ТОГО* как, следуя путеводной нити исследований смены перспектив, я развернул предложенную мной реконструкцию двух ступеней интеракции, мне хотелось бы теперь вернуться к нашему первоначальному вопросу о том, можно ли таким образом соотнести социальные перспективы Кольберга со ступенями интеракции, чтобы сделать убедительным обоснование моральных ступеней с точки зрения логики развития. Прежде всего я хочу посмотреть, каким предстает в свете предшествующих рассуждений онтогенез децентрированного миропонимания, структурно закрепленного в ориентированном на взаимопонимание действии. При этом необходимо будет ввести ступень дискурса в качестве третьей ступени интеракции (1). Введение гипотетической установки в область интеракции и переход от коммуникативного действия к дискурсу означает применительно к социальному миру придание морального характера тем или иным существующим нормам. Это обесценение от природы значимых установлений понудит преобразовать социально-когнитивную оснастку конвенциональной ступени непосредственно в основные понятия морали (2). Наконец, я сведу воедино те точки зрения логики развития, исходя из которых социальные перспективы могут быть подчинены различным ступеням интеракции, а соответствующие формы морального сознания могут быть оправданы *в качестве* ступеней (3).

(1) Преконвенциональную ступень интеракции можно, вслед за Селманом, охарактеризовать через взаимонаправленность деятельностных перспектив, которыми обладают ее участники. Эту взаимонаправленность я истолковал как результат введения в различные типы действия перспектив говорящего, а именно перспектив Я—Ты, которые прежде были усвоены ребенком вместе с коммуникативными ролями говорящего и слушателя. Тогда конвенциональную ступень интеракции можно охарактеризовать через систему перспектив действия, которая формируется путем координации перспективы наблюдателя с перспективами участников действий. Это введение перспективы наблюдателя в область интеракции позволяет (а) восполнить систему перспектив говорящего, после чего коммуникативные роли первого и второго лица соединяются с коммуникативной ролью третьего лица (это сказывается на уровне организации диалога). Обновление перспективной структуры является необходимым условием (б) для преобразования конфликтного поведения, руководствующегося реализацией собственных интересов, в стратегическое действие и (в) для образования тех базовых социально-когнитивных понятий, которые структурируют действие, регулируемое нормами. С построением социального мира легитимно упорядоченных межличностных отношений формируются (г) нормосообразующая установка и соответствующая перспектива, дополняющие основные установки и мировые перспективы, связанные с внутренним и внешним миром. Эта система мировых перспектив находит свое языковое соответствие в трех основных модусах применения языка, которые в перформативной установке могут систематически связываться или различаться компетентными субъектами речи. В пунктах (а)—(г) реализуются, наконец, структурные предпосылки коммуникативного действия, при котором (д) планы действия участников интеракции координируются механизмом языкового взаимопонимания. Регулируемое нормами действие репрезентирует один из многих типов действия, ориентированного чисто на достижение взаимопонимания.¹⁶

Во взаимосвязи проанализированных на настоящий момент типов действия четко различенный облик коммуникативного действия, конечно, представляет интерес лишь

¹⁶ *Habermas*. 1981. Bd 1. S. 437 ff

постольку, поскольку соответствующая ему, а именно дискурсивная, форма рефлексии представляет собой третью ступень интеракции, пусть и примечательную своей относительной разгруженностью в деятельностном плане. Аргументированные дискуссии служат тому, чтобы представить в виде темы и испытать те притязания на значимость, которые наивно привносятся в диалог и выдвигаются сначала имплицитно. Участие в дискуссиях характеризуется принятием *гипотетической установки*; в этой перспективе вещи и события превращаются в обстоятельства вещей, которые могут как существовать, так и не существовать; точно так же и существующие, то есть фактически признаваемые или социально действенные нормы превращаются в такие, которые могут быть как действенными, то есть заслуживающими признания, так и недейственными. На обсуждение выносятся истинность ассерторических высказываний или правильность норм (или соответствующих нормативных высказываний).

Усложнение перспективной структуры продолжается и на этой третьей ступени интеракции. На конвенциональной ступени были сведены вместе взаимонаправленные перспективы участников взаимодействия и перспектива стороннего наблюдателя, то есть те два элемента, которые уже сформировались, но еще не были скоординированы на преконвенциональной ступени. Теперь, на третьей ступени, подобным же образом сводятся воедино те две системы мировых перспектив и перспектив говорящего, которые каждая в своих пределах были уже сформированы, но еще не были скоординированы между собой на второй ступени. С одной стороны, система как бы гипотетически преломленных мировых перспектив конститутивна в отношении тех притязаний на значимость, которые составляют собственную тему аргументированных дискуссий. С другой стороны, система полностью обратимых перспектив говорящего конституирует те пределы, в которых включенные в нее участники аргументации могут достичь рационально мотивированного согласия. Стало быть, в дискурсе обе системы должны соотноситься друг с другом. Это усложнение перспективной структуры можно прояснить для себя и с помощью следующего интуитивного соображения. Характерное достижение конвенциональной ступени состояло в том, что при совершении какого-либо действия акторы, исходя из взаимонаправленных отношений с противной стороной, рассматривают самих себя в качестве участников взаимодействия, но *в то же время*, выходя за пределы действия, могут и наблюдать за собой как за объектом, как за составной частью связанной интеракции. В рамках межличностной интеракции перспективы обязательно пересекались: перспектива наблюдателя выделялась и связывалась с коммуникативной ролью третьего лица, то есть безучастно присутствующего зрителя. Подобно этому, в отношении достигнутого дискурсивным путем согласия справедливо теперь, что в своем акте одобрения чего-либо акторы полагаются на полную обратимость своих отношений со всеми другими участниками аргументации, но *в то же время*, независимо от фактически достигнутого консенсуса, относят изъявление своего одобрения только за счет убедительности более весомого аргумента. Перспективы и здесь скрещиваются в межличностных рамках коммуникации, кажущейся невероятной в своих предпосылках: преломленные в рефлексии мировые перспективы связываются с ролями оппонента и пропонента, которые критикуют и отстаивают те или иные притязания на значимость.

Конечно, та или иная более высокая ступень интеракции отличается не только скоординированностью прежде разрозненных перспектив, но и интеграцией прежде

разрозненных *типов интеракции*. Как мы видели, в действиях ролевого типа таким образом удалось интегрировать две формы взаимонаправленности, которые на первой ступени интеракции выражались в различных типах действия. Не только в постепенно вызревавшем понятии о значимости долженствования, но уже в понятии о лишенном привязки к отдельным личностям императиве более высокого уровня, в котором выражается интересубъективный авторитет общей воли, были синтезированы комплементарные и симметричные отношения — пусть даже и ценой поляризации между действием, регулируемым нормами, с одной стороны, и стратегическим действием — с другой. Именно эта расщепленность в известной мере преодолевается на третьей ступени интеракции. В процессе аргументации ориентированная на достижение успеха установка соревнующихся сторон во всяком случае принимает коммуникативную форму, в которой иными средствами продолжается действие, ориентированное на достижение взаимопонимания. В ходе аргументированной дискуссии оппоненты и пропоненты разрешают *свое соперничество с помощью аргументов*, стремясь убедить друг друга и таким образом прийти к консенсусу. Эта диалектическая ролевая структура подготавливает эвристические формы для совместных поисков истины. Конфликт между соперниками, принявшими установку на достижение успеха, она может поставить на службу целям достижения консенсуса в той мере, в какой аргументы функционируют не в качестве средств взаимонаправленного влияния — принуждение, оказываемое лучшими аргументами, в дискурсе сообщается убеждениям участвующих в нем вполне «непринужденно», то есть передается изнутри, по пути рационально мотивированных изменений собственной установки.

(2) С переходом к постконвенциональной ступени интеракции взрослый человек преодолевает наивность повседневной практики. Он покидает данный ему от природы социальный мир, в который он вступил при переходе к конвенциональной ступени. Для участника дискурса блекнет актуальность взаимосвязи опыта; в не меньшей степени, нежели объективный характер вещей и событий, блекнет для него и нормативный характер существующих порядков. С этого метакоммуникативного уровня открываются лишь ретроспективы мира прожитой жизни: мир наличествующих обстоятельств вещей теоретизируется, а мир легитимно упорядоченных отношений морализируется в свете гипотетических притязаний на значимость. Как только морализация охватывает общество, а стало быть ту структуру нормативно интегрированных отношений, которую подростку еще только предстояло конструктивным образом усвоить, иссякает нормативная сила фактического: с обособленной точки зрения деонтологической значимости социальные установления, лишившиеся покровов своей естественности, могут обернуться столь же многочисленными случаями, в которых справедливость проблематична. Эта проблематизация как бы задерживает действие. Она останавливает ход коммуникативного действия, перерезает связующие нити между социальным миром и его контекстом, образованным жизненным миром, и подрывает те достоверности, которые интуитивно перетекают в социальный мир из жизненного мира. Одновременно интеракции предстают в ином свете. Ведь как только они подвергаются оцениванию с чисто моральных точек зрения, они эмансипируются, с одной стороны, от локальных соглашений, а с другой — лишаются яркой исторической окрашенности, свойственной тем или иным жизненным формам. Интеракции, подпадающие под притязание со

стороны руководствующегося принципами автономного действия, характерным образом становятся все более абстрактными.

В той мере, в какой социальный мир высвобождается из контекста жизненной формы, которая фактически является делом привычки, но выступает в модусе фоновой достоверности, и в какой принимающий гипотетическую установку участник дискурса обретает дистанцию по отношению к нему, лишившиеся своей почвы нормативные системы нуждаются, конечно же, в каком-то *другом* основании. Это новое основание должно быть получено в ходе реорганизации базовых социально-когнитивных понятий, находившихся в нашем распоряжении на предшествующей ступени интеракции. При этом та же самая перспективная структура полностью децентрированного миропонимания, по вине которой только и появляется эта проблема, предлагает и средства для ее разрешения. Нормы действия, в свою очередь, предстают теперь как подлежащие нормированию; они подчиняются принципам, то есть нормам более высокого уровня. Понятие легитимности норм действия разлагается на составляющие, в которых выражается фактическое признание норм и то обстоятельство, что они достойны признания; социальная значимость существующих норм не совпадает более с действенностью норм оправданных. Этой дифференциации понятий нормы и долженствования соответствует дифференциация понятия обязанности; уважение к закону не расценивается более *per se*¹⁷ в качестве нравственного мотива. Гетерономии, то есть зависимости от существующих норм, противопоставляется предъявляемое действующему субъекту требование, чтобы он возводил в определяющее основание своих действий не социальную значимость, а, скорее, действенность той или иной нормы.

С введением понятия автономии сдвигается и понятие о способности к ответственным действиям. Ответственность становится особым случаем вменяемости; последняя означает, что действие ориентируется на полагаемое в качестве универсального и рационально мотивированное согласие: морально действует тот, кто действует на основе усмотрения сути дела.

Из понятия о способности к действию, формирующегося на постконвенциональной ступени интеракции, становится ясно, что моральное действие представляет собой тот случай регулируемого нормами действия, при котором действующий субъект ориентируется на притязания на значимость, прошедшие рефлексивную проверку. К моральному действию предъявляется притязание на то, чтобы улаживание возникающих в ходе действий конфликтов опиралось только на обоснованные суждения: такое действие руководствуется моральными усмотрениями.

Это четкое понятие морали может сформироваться только на постконвенциональной ступени. Интуитивное представление о моральном также и на предшествующих ступенях связано с представлением об основанном на консенсусе разрешении конфликтов, возникающих в ходе действий. Но при этом участники взаимодействия исходят, скажем, из идей добропорядочной и справедливой жизни, которые позволяют переместить и упорядочить конфликтующие потребности. Только высвобождение социального мира из потока культурных самоочевидностей делает из автономного обоснования морали неминуемую проблему: те точки зрения, которые должны обеспечить возможность консенсуса, сами теперь становятся спорными. Независимо от случайно сложившихся общностей социального происхождения, от политической принадлежности, культурного наследия, от передаваемой по традиции

¹⁷ Само по себе {лат.}.

формы жизни и т.д. компетентные субъекты действия лишь тогда могут ссылаться на «моральную точку зрения», на *точку зрения, избавленную от контrovers*, когда и при расходящихся ценностных ориентациях они не могут обойтись без ее принятия. Эту моральную точку отсчета они должны поэтому заимствовать из тех структур, в которых *всегда уже* обнаруживают себя все участники интеракции, насколько они вообще действуют коммуникативно. Такого рода точку зрения заключают в себе, как показывает этика дискурса, всеобщие прагматические предпосылки аргументации как таковой.

Переход к руководствующемуся принципами моральному суждению — это только первый, еще нуждающийся в завершении шаг, делая который взрослый человек освобождается от традиционного мира наличных норм. Ибо принципы, которые полагаются в основу суждения о нормах (например, принципы справедливого распределения), выступают во множестве и сами нуждаются в обосновании. Моральная точка зрения не может быть обретаема в каком-либо «первом» принципе или в каком-либо «последнем» обосновании, то есть за пределами круга самой аргументации. Оправдательной силой обладает только дискурсивная процедура подтверждения притязаний на нормативную значимость; и этой силой аргументированные дискуссии обязаны, в конечном счете, своей укорененности в коммуникативном действии. Искомая «моральная точка зрения», предшествующая всем возможным контroversам, возникает из фундаментальной взаимонаправленности, присущей действию, ориентированному на достижение взаимопонимания. Эта взаимонаправленность выступает прежде всего, как мы видели, в формах управляемой авторитетом дополнительности и управляемой интересами симметрии; затем во взаимонаправленности поведенческих ожиданий, объединенных в социальных ролях, а также во взаимонаправленности прав и обязанностей, объединенных в нормах; и наконец в идеальном обмене ролями в дискурсивной речи, который должен обеспечить возможность свободной и равномерной реализации прав на универсальный доступ к аргументированной дискуссии и на равенство шансов участия в ней. На этой третьей ступени интеракции идеализированная форма взаимонаправленности начинает определять совместные поиски истины, ведущиеся неким коммуникативным сообществом, которое в принципе не имеет границ. В этом отношении обоснованная средствами этики дискурса мораль ориентируется на образец, который, можно сказать, с самого начала внутренне присущ предприятию языкового взаимопонимания.

(3) После того как мы провели обзор социально-когнитивного оснащения и перспективной структуры на трех ступенях интеракции, я хотел бы вернуться к социоморальным перспективам, из которых Кольберг непосредственно выводит представление о ступенях морального развития. С помощью социальных перспектив Кольберг определяет те точки зрения, исходя из которых может быть установлен тот или иной измененный порядок оспариваемых интересов и проведено улаживание конфликтов на основе консенсуса. Как теперь видно, эти точки зрения проистекают из сочетания той или иной находящейся в нашем распоряжении перспективной структуры с соответствующей идеей добропорядочной и справедливой жизни. Как видно из двух правых столбцов нижеследующей табл.7, первая из этих компонент понятна сама по себе; в объяснении нуждается вторая компонента.

На первый взгляд, непонятно, каким образом нормативная составляющая социальных перспектив, а именно представление о справедливости, вытекает из социально-когнитивной оснащенности соответствующих ступеней интеракции.

Прежде всего нужно учесть то проанализированное Дюркгеймом обстоятельство, что интегрированная в нормах структура общественных отношений изначально имеет моральный характер. Основным феноменом морали является обязующая сила норм, которые могут быть нарушены действующими субъектами. Поэтому все основные понятия, конститутивные для регулируемого нормами действия, уже содержат в себе моральное измерение, которое актуализуется и исчерпывается исключительно в оценке конфликтов и нарушений тех

	Таблица 7 Ступени интеракции, социальные перспективы и ступени морали						
Типы действия	Когнитивные структуры						
	Перспективная структура	Структура поведенческого ожидания	Понятие авторитета	Понятие мотивации	Социальные перспективы		Ступени морального суждения
					перспектива	представление о справедливости	
Преконвенциональный: Управляемая авторитетом интеракция	Взаимонаправленная связь перспектив действия	Частный поведенческий образец	Авторитет эталонных личностей; извне санкционированное волеизъявление	Лояльность по отношению к отдельным лицам; ориентация на вознаграждение или наказание	Эгоцентрическая перспектива	Дополнительность повеления и послушания	1
Управляемое интересами сотрудничество						Симметрия возмещения ущерба	2

Типы действия	Когнитивные структуры						
	Перспективная структура	Структура поведенческого ожидания	Понятие авторитета	Понятие мотивации	Социальные перспективы		Ступени морального суждения
					перспектива	представление о справедливости	
Конвенциональный: Рольевое действие	Координация перспектив наблюдателя и участника	Социально обобщенный поведенческий образец: социальная роль	Интернализированный авторитет надындивидуального волеизъявления = лояльность	Обязанность вместо склонности	Перспектива первичной группы	Рольевая конформность	3
Руковод-					Перспек-	Конфор	4

ствущаяся нормами ин- теракция		о обобщенные роли: система норм	лизованный авторитет надличност ной коллек- тивной во- ли = леги- тимность		тива коллектива (системная моральная точка зрения)	мность с су- ществую- щей систе- мой норм	
--------------------------------------	--	---	--	--	---	--	--

Таблица 7 (продолжение)

Типы действия	Когнитивные структуры						
	Перспекти вная структура	Структура поведенческ ого ожидания	Понятие авторитета	Понятие мотивации	Социаль перспект ные ивы		Ступ ени мора льного сужд ения
					перспект ива	представ ление о справед- ливости	
Постконв енциональн ый							
Дискурс	Интегра- ция мировых	Правило для проверки норм: прин- цип	Идеальн ая значимость вместо социальной	Автоном ия вместо гетерономи и	Перспект ива принци- пов (общест- венный приоритет)	Ориента- ция на принципы спра- ведливости	5
	перспектив и перспектив говорящего	Правило для проверки принципов: процедура обоснования юрм			Проце- дурная пер- спектива (принятие идеальных ролей)	Ориент ация на процедуру обо- снования норм	6

или иных норм. С построением социального мира и с переходом к руководствующейся нормами интеракции все социальные отношения приобрели *косвенным образом* нравственный характер. Золотые правила и повиновение законам представляют собой этические императивы, которые лишь согласуются с тем, что уже заложено в социальных ролях и в нормах, прежде чем разразится какой бы то ни было моральный конфликт: с дополнительностью поведенческих ожиданий и с симметрией прав и обязанностей.

Но, кроме этого, мы должны также учитывать то обстоятельство, что обеспечивающая достижение консенсуса точка зрения конформности в отношении ролевых ожиданий и норм лишь потому непринужденно следует из социально-когнитивного инвентаря, что социальный мир на конвенциональной ступени еще встроен в контекст жизненного мира и связан с достоверностями этого мира. Мораль еще не отделилась от нравственности, присущей той или иной частной жизненной форме, с которой мы безоговорочно свыклись, еще не обрела самостоятельности *как* мораль. Обязанности настолько вплетены в конкретные жизненные привычки, что могут получать свою очевидность из фоновых достоверностей. Вопросы о справедливости задаются здесь в кругу *всегда уже разрешенных* вопросов добропорядочной жизни. Религиозные или классические философские этики, делающие своей темой эту взаимосвязь нравственной жизни, понимают и оправдывают моральные феномены не из них самих, а из горизонта некой целокупности, понятой в священноисторическом или космологическом смысле.

Мы видели, как развязывается этот узел после введения гипотетической установки. Под рефлектирующим взглядом участника дискурса социальный мир распадается на требующие своего оправдания конвенции; фактический состав наследуемых норм делится, с одной стороны, на факты социальной жизни, с другой стороны, на нормы — последние утратили свое прикрытие, исходившее от очевидностей жизненного мира, и должны получить оправдание в свете принципов. Таким образом, *ориентация на принципы справедливости* и, в конечном итоге, *на процедуру дискурсивного обоснования норм* вытекает из неизбежной морализации ставшего проблематичным социального мира. Таковы те представления о справедливости, которые на постконвенциональной ступени занимают место конформности в отношении ролей и норм.

На преконвенциональной ступени мы не можем говорить о представлениях о справедливости в том же смысле, что и на последующих ступенях интеракции. Социальный мир еще не конституирован здесь в указанном смысле. Социально-когнитивные понятия, которыми располагает ребенок, лишены четко очерченного измерения деонтологической значимости. Точки зрения, обладающие социально связующей силой, ребенку приходится заимствовать из того инвентаря, с помощью которого взаимно перекрещивающиеся перспективы действия интерпретируются в смысле властных отношений или внешних влияний. Поэтому преконвенциональные *представления о привязанности* или лояльности опираются либо на дополнительность между повелением и послушанием, либо на симметрию возмещения. Обе эти формы взаимонаправленности образуют натуралистический, внутренне присущий самой структуре действия зародыш представлений о справедливости. Но последние только на конвенциональной ступени воспринимаются *в качестве* таковых. И только на постконвенциональной ступени выявляется, так сказать, истина мира преконвенциональных представлений, состоящая в том, что идею справедливости можно

извлечь только из идеализированной формы взаимонаправленности, подчиненной дискурсу.

Этих указаний должно до поры до времени быть достаточно для придания убедительности тому обстоятельству, что между ступенями морального развития и социальными перспективами, с одной стороны, и ступенями интеракции — с другой, существуют структурные связи, которые поручают свое оправдание в упорядоченности, приведенной в табл. 7. Конечно, эта упорядоченность только тогда может вынести груз задачи обоснования с точки зрения логики развития, когда в отношении самих ступеней межличностного взаимодействия можно показать то, что я до сих пор молчаливо подразумевал под термином «ступени», а именно что предложенная *иерархия типов действия* отражает взаимосвязь *логики развития*. Разумеется, эту предвосхищающую теоретическую характеристику я намеревался сделать очевидной посредством введения самих ступеней интеракции, а в особенности посредством реконструкции переходов от одной ступени к другой. Следовало, во-первых, показать, что из элементарных перспектив первого и второго лица и наблюдателя складываются все более усложняющиеся перспективные структуры, стремящиеся к децентрированному миропониманию субъектов, действующих с ориентацией на достижение взаимопонимания. С точки зрения *прогрессирующей децентрации миропонимания* ступени интеракции выражают в себе некое направленное и кумулятивное развитие. Во-вторых, в ходе определенных координирующих действий мы отличили эти ступени интеракции друг от друга. На преконвенциональной ступени деятельностные перспективы различных участников взаимодействия взаимно соотносятся друг с другом. На конвенциональной ступени с этими перспективами связывается перспектива наблюдателя. В завершение интегрируются сформированные на этом основании системы мировых перспектив и перспектив говорящего. Эти *фрагменты* свидетельствуют о том, что следующие друг за другом структуры перспектив образуют *дискретные целокупности*. В-третьих, мы видели, что в регулируемом нормами действии ясно выраженная в преконвенциональных типах действия противоположность между управляемой авторитетом дополнительностью и управляемой интересами симметрией преодолевается точно так же, как и в аргументативной игре — противоположность между ориентациями на достижение консенсуса или успеха, возникающая в отношениях между регулируемым нормами и стратегическим действием. Кажется, это обстоятельство подтверждает, что на той или иной более высокой ступени когнитивные структуры, присущие низшей ступени, замещаются, но в то же время и сохраняются в реорганизованном виде. Это с трудом поддающееся анализу отношение *«снятия» предшествующих структур*, конечно же, следовало бы детально показать на примере преобразований социально-когнитивной основы.

В рамках отдельных измерений мы все-таки можем констатировать определенные тенденции. К примеру, из более простых структур *поведенческого ожидания*, путем применения их к ним самим и их генерализации, могут быть получены более сложные структуры: обобщенное в социальном плане ожидание в отношении взаимонаправленных поведенческих ожиданий порождает нормы, а генерализованное применение норм к самим нормам порождает принципы, посредством которых могут быть нормированы сами нормы. Подобным же образом более сложные понятия *нормативной значимости* и *автономии* происходят из более простых понятий императивного волеизъявления и личной лояльности или из ориентации на удовольствие

или неудовольствие. Центральная компонента значения того или иного элементарного понятия освобождается от своего контекста и заостряется таким образом, что в понятийной перспективе концепта более высокого уровня предшествующий концепт стилизуется как *противопонятие*. К примеру, авторитетные заявления эталонной личности на следующей ступени превращаются в *простой* произвол, контрастирующий с легитимным волеизъявлением; личная преданность или ориентация на удовольствие или неудовольствие оборачивается *просто* склонностью, контрастирующей с представлением об обязанностях. Сообразно тому и легитимность деятельностных норм на следующей ступени понимается как всего лишь фактическая, *просто* социальная значимость, противопоставляемая идеальной значимости, в то время как действие, исходящее из конкретных обязанностей, считается теперь чем-то гетерономным, противостоящим автономии.

Подобное раздвоение и обесценивание происходит и при переходе от понятия об извне налагаемом взыскании к понятиям стыда или вины, или при переходе от понятия естественной идентичности к ролевой тождественности или тождественности Я.¹⁸ Такие указания программны по своей природе. Требуется уточненное понятие логики развития, чтобы со всей серьезностью предпринять аналитические исследования такого рода и чтобы показать, каким образом социально-когнитивная оснащенность начальных ступеней может быть подвергнута процедурам рефлексии (применения соответствующих понятий к самим себе), обобщения и идеализирующего абстрагирования.

В связи с ходом предыдущих рассуждений выявляются те преимущества, которые могут возникать, если моральное развитие интерпретировать в рамках теории коммуникативного действия — преимущества как для более точного определения взаимосвязи между моральным суждением и социальным познанием, так и для обоснования моральных ступеней с точки зрения логики развития.

Прежде всего выявилась вариативность тех типов интеракции, в которых так или иначе воплощаются одни и те же перспективные структуры. Полностью децентрированное миропонимание разворачивается только по линии тех поведенческих областей, которые не определяются конкуренцией. Оно становится рефлексивным при переходе от конвенционального действия к дискурсивной речи. Продолжение коммуникативного действия средствами аргументации характеризует степень интеракции, которая дает повод выйти за пределы исследованных Селманом ступеней смены перспектив.

Происходящая в аргументированной дискуссии интеграция мировых перспектив и перспектив говорящего образует место, где стыкуются социальное познание и постконвенциональная мораль.

Эти разъяснения дают некоторые преимущества при попытке обосновать ступени морального суждения с точки зрения логики развития. Как мы видели, кольберговы социальные перспективы, на которые возложено бремя предоставления такого доказательства, могут быть подчинены ступеням интеракции, иерархически упорядоченным в соответствии со структурами перспектив и базовыми понятиями. При этом прежде всего становится ясно, каким образом представления о справедливости возникают из форм взаимонаправленности, присущих тем или иным ступеням взаимодействия. С переходом от регулируемого нормами действия к практическому

¹⁸ Habermas J. Moralentwicklung und Ich-Identität // Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. F. a. M., 1974. S. 74 ff.

дискурсу основные понятия руководствующейся принципами морали непосредственно проистекают из необходимой с точки зрения логики развития реорганизации наличного социально-когнитивного оснащения. Этим шагом социальный мир подвергается морализации, причем встроенные в социальные взаимодействия формы взаимонаправленностей, становящиеся в ходе их разработки все более абстрактными, образуют как бы некое натуралистическое ядро морального сознания.

Оправдаются ли достигнутые здесь существенные интерпретативные успехи также и в плане исследовательской стратегии, будет видно на другом уровне. Для начала я хотел бы использовать предложенные реконструкции только для того, чтобы прояснить некоторые затруднения, с которыми теории Кольберга приходилось бороться последние годы.¹⁹

и и проблемы. Вклад в построение теории

Обсуждение кольбергова подхода сосредоточивается сегодня прежде всего на *четырёх проблемах*. Поскольку до сих пор не удалось экспериментально подтвердить гипотетически введенную шестую ступень морального суждения, спрашивается, может ли вообще, и если может, то в каком смысле, на постконвенциональном уровне идти речь о каких-либо *естественных* ступенях. Случаи регрессии в позднем юношеском возрасте, то есть на третьем десятилетии жизни, заставляют, далее, усомниться в том, правильно ли выбрана *нормативная точка отсчета морального развития*, то есть, прежде всего, могут ли способности суждения и действия, присущие зрелому в моральном отношении взрослому человеку, быть адекватно определены в свете когнитивистских и формалистических теорий. Как и прежде, остается проблематичным и то, каким образом можно ввести в иерархическую модель группу *релятивистов* или *приверженцев ценностного скептицизма*. И наконец, открытым остается вопрос, как связать структуралистскую теорию с познаниями в области психологии Я, с тем чтобы оказались учтены и *психодинамические аспекты формирования суждений*. Природа этих проблем станет более понятна, если выяснить, какую степень свободы приобретает подросток с переходом от регулируемого нормами действия к дискурсу и с обретением дистанции по отношению к естественным образом сформированному социальному миру (1); какие проблемы возникают в опосредовании между моралью и нравственностью, коль скоро социальный мир подвергается морализации и отрезается от притока достоверностей жизненного мира (2); какого выхода ищет юноша, останавливаясь на дистанцировании от обесцененного мира традиционных норм и не предпринимая дальнейших шагов, для того чтобы полностью реорганизовать все социально-когнитивное оснащение конвенциональной ступени (3); и какие разногласия обнаружатся между моральными суждениями и действиями, если не удастся отделить друг от друга установку на успех и установку на достижение взаимопонимания (4).

(1) За последние десятилетия Кольберг не раз пересматривал свою оценочную схему. Во всех ли отношениях его новейший оценочный метод, в основе которого лежит

¹⁹ При этом я не стану углубляться в критику методического образа действий: Kurtines W., Greif E. The development of moral thought // Psychological Bulletin. 1974. 81. P. 453 ff; см. также: Oser F. Die Theorie von L. Kohlberg im Kreuzfeuer der Kritik — eine Verteidigung, Bildungsforschung u. Bildungspraxis. 1981. 3. S.51 ff. В настоящем месте я также не могу обсуждать и важный вопрос транскультурной действительности иерархической модели: Gibbs J. C. Kohlberg's Stages of Moral Judgement // Harvard Educ. Rev. 1977. 47. P. 5 ff.

*Standard Form Scoring Manual*²⁰ представляет собой некое улучшение, — это вопрос, на который я не дал бы безоговорочно утвердительного ответа; теории, развиваемые в традиции Пиаже, при кодировке ответов требуют теоретически организованного герменевтического истолкования, которое нельзя застраховать от случайной ошибки, то есть перевести на операциональные рельсы в целях нейтрализации весьма сложного комплекса предпонимания. Как бы там ни было, вновь предпринятое оценивание материалов опроса заставило Кольберга опустить введенную им поначалу шестую ступень, поскольку в продольных исследованиях (проведенных в США, Израиле и Турции) ей не нашлось уже никаких очевидных подтверждений. Сегодня он медлит с решением вопроса о том, идет ли в случае ступени 6 речь о некоей психологически идентифицируемой естественной ступени или о некоей «философской конструкции».²¹ Если бы такой пересмотр основывался не на одних только проблемах измерения, то он, конечно, затронул бы и статус пятой ступени. Ведь как только мы оставим попытку вообще различать какие-либо ступени на постконвенциональном уровне, перед нами сразу же встанет вопрос, репрезентируют ли моральные суждения, руководствующиеся принципами, некую естественную ступень *в том же смысле*, что и суждения, размещенные на преконвенциональной и конвенциональной ступенях.

В свете теории дискурса я подспудно предпринял уже *иную* интерпретацию двух последних ступеней морального развития и провел различие! между ориентацией на всеобщие принципы, с одной стороны, и ориентацией на процедуру обоснования возможных принципов, с другой (см. табл.7). При этом принципы, независимо от того, приписываются ли они утилитаристским, естественноправовым или кантианским этикам, уже не служат более основанием какой бы то ни было ступенчатой дифференциации. Сообразно этому предложению, релевантное различие возникает только между двумя *ступенями рефлексии*. На пятой ступени принципы рассматриваются в качестве некоей последней основы, не нуждающейся в дальнейшем обосновании, тогда как на шестой эти принципы не только применяются с известной гибкостью, но и явным образом релятивизируются в отношении процедур оправдания. Конечно, эта дифференциация рефлексивных ступеней должна получить свою значимость в рамках определенной нормативной теории. Следует показать, что личность, которая доверяет легитимирующей силе процедуры обоснования, а не только очевидности всеобщих принципов, может с большим успехом противостоять скептическим возражениям, а потому и выносить суждения с большей последовательностью. С другой стороны, существуют философские этики, оспаривающие эту приверженность процедурам и настаивающие на том, что процедура морального обоснования не обладает никаким иным статусом и не достигает чего-либо большего, нежели универсальный нравственный принцип. Пока этот спор между философами не улажен, основные допущения этики дискурса следовало бы отстаивать там, где они конкурируют с другими философскими воззрениями, а не понимать натуралистически, как высказывания о ступенях, естественным образом присущих моральному сознанию. *Bd'*. всяком случае в самой этике дискурса нельзя почерпнуть никаких оснований для овеществляющего

²⁰ Colby A. Evolution of a moral-developmental theory // Damon W. (Ed). *Moral Development*. San Francisco, 1978. P. 89 ff.

²¹ Кольберг подчеркивает, что шестая ступень конструировалась на материале немногочисленных элитных примеров и, в числе прочего, на высказываниях Мартина Лютера Кинга: «Такие элитные фигуры не подтверждают существования шестой ступени в качестве естественной ступени развития» (Philosophic issues in the Study of Moral Development. MS. Cambridge. June 1980)

толкования, которое придавало бы *ступеням рефлексии* статус естественных *ступеней развития*, представленных во внутренней психической сфере.

Но если для принятия некоторых постконвенциональных ступеней отсутствует эмпирическая очевидность, то проблематичным становится и описание, предлагаемое Кольбергом для пятой ступени. Существует, по крайней мере, подозрение, что идеи общественного договора и наибольшей пользы для наибольшего числа людей находятся во власти специфических традиций, распространенных прежде всего в англосаксонских странах, и представляют собой определенное для особой культуры содержательное выражение морального суждения, руководствующегося принципами.

Присоединяясь к соображениям Дж.Гиббса, Томас Маккарти к тому же обращает наше внимание на то, что отношение сведущего в моральной теории психолога к своим подопечным методически релевантным образом меняется, коль скоро они достигают постконвенционального уровня и принимают гипотетическую установку по отношению к своему социальному миру: «Я склонен предположить, что подход Кольберга помещает субъекта, находящегося на более высокой ступени морального развития, по крайней мере в том, что касается его компетенции, на том же самом рефлексивном или дискурсивном уровне, что и сведущего в морали психолога. Мышление субъекта отличается теперь своей децентрированностью, дифференцированностью и рефлексивностью, что являемся условием для вступления в сферу аргументации теоретика морали. Тем самым начинает разрушаться асимметрия между дорефлексивным и рефлексивным, между действующими теориями и истолкованиями, которые лежат в основе реконструктивной модели. Субъект в состоянии теперь спорить с теоретиком о вопросах морали».²²

В той же связи Маккарти проводит параллель между социоморальным и когнитивным развитием: «Пиаже считает, что фундаментальные функции разума неизвестны индивиду на низших ступенях познания. На высших же уровнях субъект может подвергать рефлексии первоначально скрытые мыслительные операции и имплицитные познавательные достижения более ранних ступеней, то есть он может включиться в эпистемологическую рефлексию. Тем самым субъект, по крайней мере, в том, что касается компетенции, помещается на том же самом дискурсивном уровне, что и специалист в области когнитивной психологии. Здесь тоже начинает разрушаться асимметрия между неотрефлексивным умением (know-how) субъекта и рефлексивным знанием (know-that) исследователя. Субъект теперь в состоянии спорить с теоретиком о структуре и условиях познания».²³ На уровне формальных операций взрослый человек рефлексивно усвоил то интуитивное знание, которое прежде давало ему возможность успешно справляться со своими задачами. Тем самым он обрел способность разворачивать далее конструктивные процессы обучения средствами реконструкции. В принципе, в поле его компетенции попадают отныне и реконструктивные науки.

В отношении методологии этих наук отсюда следует, что психолог, желающий проверить свои допущения на формально-операциональной стадии, имеет дело с такими испытуемыми, к которым он принципиально должен относиться "как к *равным* участникам в деле этой научной реконструкции. Сама теория учит его тому, что на этой ступени исчезает та асимметрия, которая на предыдущих ступенях имела место между дорефлексивными достижениями и попыткой их рефлексивного охвата. Пока

²² McCarthy Th. A. Rationality and relativism // Thompson J. B., Held D., Habermas J. Critical Debates. London, 1982. P. 74.

²³ Ibid.

пользующийся реконструктивным методом психолог видит самого себя стоящим в открытом горизонте исследовательского процесса, результаты которого нельзя предвосхитить, он вынужден признавать *равный статус* за испытуемыми, находящимися на высшей ступени компетенции.

То же самое справедливо для тех опрошенных, которые решают предложенные им моральные дилеммы из установки участника дискурса, выносящего постконвенциональные суждения. Насколько такие участники разделяют перспективу проводящего опрос специалиста в области психологии морали, их суждения не имеют всего лишь характер высказываний, наивно порожаемых неким интуитивным пониманием правил. Испытуемые, принадлежащие постконвенциональному уровню, настолько втягиваются в предприятие моральной философии, а именно в реконструкцию основополагающих повседневных моральных интуиции, что выносимые ими моральные суждения уже не только *отражают* дотеоретическое знание, то есть дают ему дорефлексивное выражение, но и *истолковывают* его в качестве начатка теоретического знания. Сформулированные на основании принципов моральные суждения невозможны без начальных шагов по реконструкции основополагающих моральных интуиции и потому *in puse** уже обладают смыслом морально-теоретических суждений. Как только постконвенциональное мышление выходит за пределы традиционного мира норм, оно попадает на ту же арену, на которой разворачивается и спор теоретиков морали; этот спор приводится в движение историческим опытом, и на время его можно разрешить, прибегая к философской аргументации, но не к путям развития, идентифицируемым средствами психологии.

(2) Нелегко разобраться в другом комплексе проблем, вызвавшем в последние годы обширную дискуссию. Дискуссия была развязана сообщениями Н. Хаана²⁴ и С. Гиллиган.²⁵ Непосредственным поводом послужили сомнения в том, не уводит ли в определенных критических случаях поступенное упорядочение моральных суждений слишком далеко от интуитивного понимания испытуемого субъекта, чувствительного к вопросам морали. Речь при этом идет, с одной стороны, о женщинах, высказывания которых следовало бы отнести к третьей ступени, хотя сами они склонны предполагать за собой более высокую моральную зрелость, а с другой стороны — о тех испытуемых, которые помещаются на уровень релятивистского ценностного скептицизма (ступень 4 1/2, см. ниже), хотя их высказывания представляются, скорее, более зрелыми, чем обычные постконвенциональные суждения. Гиллиган и Мерфи напоминают о том, что по критериям Кольберга в среднем больше половины населения США осталось бы за пределами постконвенционального уровня морального сознания. Но прежде всего они ссылаются на данные исследования, говорящие о том, что в одной выборке большинство из 26 опрошенных, которые после применения пересмотренного метода оценивания были помещены сначала на постконвенциональную ступень, позднее откатились на релятивистские позиции (41/г).²⁶ Хотя Кольберг оспаривает те факты, на которые в первую очередь опираются его критики²⁷ — завышенное представление о себе у испытуемых женского пола на нижних ступенях и случаи не поддающейся

²⁴ Haan N. Two Moralities in Action Context // J. Pers. Soc. Psych. 1978. 36.

²⁵ Gilligan C. In a different Voice: Women's Conceptions of Self and Morality // Harv. Ed. Rev. 1977. 47. P. 481 ff.

* В зародыше (*lat.*).

²⁶ Gilligan C. Murphy J. M. The Philosopher and the Dilemma of the Fact // Kuhn D. (Ed). Intellectual Development Beyond the Childhood. San Francisco, 1980. После окончания моей рукописи появилась соответствующая монография: Gilligan C. In a different Voice. Cambridge, 1982.

²⁷ Kohlberg. 1982.

теоретическому объяснению регрессии — дискуссия привлекла внимание к проблемам, которые, если говорить на традиционном философском языке, связаны с отношением между моралью и нравственностью.

Гиллиган и Мерфи утверждают (ссылаясь на монографию Перри о преодолении абсолютистского мышления в позднем подростковом возрасте и обращаясь к допущениям Ригеля относительно постформальных операций), что имеет место постконвенциональное развитие, ведущее от кольберговых ступеней 5 и 6 (post-conventional formal:²⁸ PCF) к ступени, которую они называют «контекстуальным релятивизмом» (postcon-ventional contextual:²⁹ PCC). На этой ступени взрослый человек, достигший моральной зрелости благодаря прошлым конфликтам и приобретенному опыту, научается преодолевать те абстракции, которыми обременена строго деонтологическая мораль справедливости кантовского образца, абсолютизирующая точку зрения нормативной правильности. Эта *релятивистская этика ответственности* настраивается на реальные, а не только на гипотетически взвешиваемые дилеммы; она учитывает сложность жизненных ситуаций, связывает аспект справедливости с аспектами заботы и ответственности за доверившихся нам людей и, выходя за рамки абстрактного понятия автономии, требует более широкого понятия о зрелой личности: «В то время как логические понятия равенства и взаимонаправленности могут поддерживать основанную на принципах мораль универсальных прав и взаимного уважения, опыт морального конфликта и выбора как будто указывает, скорее, на особые обязательства и ответственность за последствия, которые могут быть предусмотрены и поняты только в рамках более контекстуальной системы отношений. Равновесие между двумя этими точками зрения кажется нам ключом к пониманию морального развития взрослого человека. По нашему мнению, это потребует такой реструктуризации морального мышления, чтобы оно одновременно и включало в себя, и преодолевало принципиальное понимание высших ступеней в иерархии Кольберга».³⁰

При этом позиция приверженца этики ответственности отличается от позиции ценностного скептицизма (на переходной стадии 4V2); пусть и обе они релятивистские, но только контекстуальный релятивизм одновременно и опирается на этический формализм, и преодолевает его.

С точки зрения этики дискурса, дело обстоит несколько иначе. Фактически Гиллиган и Мерфи обсуждают проблемы, связанные с уже осуществленным переходом к морали, руководствующейся принципами. Последняя возникает, как мы видели, в результате своеобразной работы абстракции, которая лишает социальный мир как совокупность легитимно упорядоченных межличностных отношений его естественной стабильности и заставляет искать ему оправдание. Своей неколебимой фактичностью социальный мир обязан прежде всего укорененности в действенных в силу наивной привычки конкретных жизненных формах, которые остаются за спиной действующих субъектов в качестве бесспорного, до какой бы то ни было рефлексии присутствующего фона. Субъекты коммуникативного действия обладают эксплицитным знанием о существующих институциональных порядках, с которыми они соотносятся в своих речевых действиях;

²⁸Постконвенциональные формальные (англ.).

²⁹Постконвенциональная контекстуальная (англ.).

³⁰ Gilligan C, Murphy J. M. Moral Development in Late Adolescence and Adulthood: a Critique and Reconstruction of Kohlberg's Theory. Hum. Developm. 1980. P. 159 ff.

но на конвенциональной ступени это знание остается настолько тесно сплетено с имплицитными фоновыми достоверностями частных жизненных форм, что состав норм, получивших intersubъективное признание, приобретает абсолютную действенность. Если же теперь социальный мир подвергается морализации с позиции участника дискурса, принявшего гипотетическую установку, и тем самым извлекается из тотальности жизненного мира, то разделяется и это слияние действенности и социальной значимости. В то же время практическое единство привычной повседневной коммуникации распадается на нормы и ценности, то есть на ту часть практического, которая может подпасть под требование морального оправдания с точки зрения деонтологической значимости, и на другую, не поддающуюся морализации его часть, которая охватывает особые ценностные конфигурации, интегрированные в том или ином коллективном или индивидуальном образе жизни.

Культурные ценности, сросшиеся и воплощенные в тотальностях жизненных форм и жизненных историй, пронизывают ткань повседневной коммуникативной практики, в которой выражается экзистенция и обеспечивается тождественность действующих субъектов и от которой они не могут дистанцироваться таким же образом, как и от институциональных порядков их социального мира. Культурные ценности тоже трансцендируют фактический ход действий; уплотняясь, они образуют исторические и биографические узлы ценностных ориентации, в свете которых субъекты могут отличать «добропорядочную жизнь» от воспроизводства их «голой жизни». Но идеи добропорядочной жизни не относятся к тем представлениям, которые просто маячат впереди в виде абстрактного долженствования; групповая и индивидуальная тождественность выражается в них настолько, что они образуют интегральную составную часть той или иной культуры или личности. Кто ставит под вопрос жизненные формы, в которых образуется его собственная тождественность, должен поставить под вопрос и свое собственное существование. Дистанция, вырабатываемая в таких критических жизненных ситуациях, имеет иной вид, нежели отстояние занятого проверкой норм участника дискурса от фактичности наличных установлений.

Таким образом, формирование моральной точки зрения идет рука об руку с дифференциацией внутри практической сферы: *моральные вопросы*, которые в принципе могут быть рационально разрешены в аспекте допускающих обобщение интересов или в аспекте *справедливости*, отличаются теперь от *оценочных вопросов*, которые в наиболее всеобщем аспекте предстают как вопросы *добропорядочной жизни* и подлежат рациональному обсуждению только *внутри* горизонта исторически конкретной жизненной формы или индивидуального образа жизни. Конкретная нравственность наивно привычного жизненного мира может быть охарактеризована тем, что моральные вопросы связываются с оценочными в еще один неразрешимый узел, тогда как в рационализированном жизненном мире вопросы морали получают самостоятельность в противопоставлении проблемам добропорядочной жизни: сначала они должны быть разрешены автономно, то есть *как* вопросы справедливости. В этом «сначала» и выявляется та проблема, которая рассматривается под титулом «этики ответственности».

Ведь за тот выигрыш в рациональности, к которому приводит обособление вопросов справедливости, тоже приходится заплатить свою цену. Вопросы добропорядочной жизни обладают тем преимуществом, что на них можно ответить исходя из горизонта очевидностей жизненного мира. Они с самого начала показывают себя как привязанные к контексту и потому *конкретные* вопросы. Соответствующие ответы сохраняют ту

мотивирующую действия силу, которая присуща всегда предполагаемой в этих контекстах жизненной форме. В рамках конкретной нравственности, в которых движется конвенциональная мораль, моральные суждения заимствуют как свою конкретность, так и мотивирующую действия силу из своей внутренней связанности с идеями добропорядочной жизни и институционализованной нравственности. Проблематизация на этой ступени не проникает настолько глубоко, чтобы в результате оказались утрачены преимущества существующей нравственности. Но именно это происходит с переходом к постконвенциональной морали. Та абстрагирующая работа, в ходе которой социальный мир подвергается морализации и тем самым отрывается от своего образованного жизненным миром заднего плана, приводит к двум последствиям: введением строго деонтологических точек зрения моральные вопросы таким образом изымаются из своих контекстов, что моральные ответы сохраняют за собой лишь присущую усмотрениям силу рациональной мотивировки.

Однако моральные вопросы никогда не задаются ради них самих; они возникают вместе с заинтересованностью в том, чтобы получить некое руководство к действию. *Поэтому лишены мотивировок ответы на изъятые из их контекстов вопросы должны быть возвращены в сферу практики.* Для того чтобы оказаться действенной в практическом плане, мораль должна восполнить потери, понесенные конкретной нравственностью, с которой она пока примиряется ради получения когнитивных преимуществ. Демотивированные ответы на деконтекстуализованные вопросы могут достичь практической действенности, если будут разрешены *две вытекающие отсюда проблемы*: в равной мере должны быть отменены абстрагирование от контекстов действия и отрыв дающих рациональную мотивировку усмотрений от эмпирических установок. Любая когнитивистская мораль заставит действующего субъекта столкнуться с вопросами *специфического для данной ситуации применения* моральных усмотрений и их *закрепления в качестве мотивации*.³¹ И обе проблемы могут быть разрешены только в том случае, если к моральному суждению что-то *добавляется* герменевтическое усилие или интернализация властного авторитета.

Конструирование «ступени» контекстуального релятивизма вызвано недостаточным осознанием основной проблемы, состоящей в должном опосредовании между моралью и нравственностью. С. Гиллиган не проводит, прежде всего, достаточного различия между *когнитивной проблемой* применения и *мотивационной проблемой* закрепления моральных усмотрений. Поэтому она склоняется к тому, чтобы отличать постконвенциональный формализм (PCF) от постконвенционального контекстуализма (PCC) по их отношению к гипотетически взвешиваемым или, соответственно, актуальным ситуациям действия. Но вопрос о том, сделаю ли я то, что должен сделать, затрагивает только мотивационную сторону проблемы опосредования. Другая сторона этой проблемы имеет когнитивную природу: как мне в данной ситуации, для того чтобы действовать в соответствии с ней, следует понимать всеобщее предписание, которое говорит лишь о том, что я должен делать.

Во-вторых, С. Гиллиган не сознает, что обе эти проблемы возникают лишь после того, — как мораль уже абстрагирована от нравственности, а на основной вопрос моральной

³¹ Универсальная проблема применения норм к ситуациям действия ставится уже на конвенциональной ступени морального суждения и интеракции; здесь речь идет об особом заострении этой проблемы, которое имеет место, когда вскрываются взаимосвязи, в которых нормы, с одной стороны, и ситуации действия — с другой, *отсылают друг к другу* как составляющие *одной и той же* жизненной формы, то есть когда они предварительно скоординированы между собой. Ср.: Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Tubingen, 1960.

философии о возможности обоснования норм уже получен ответ в духе когнитивистской этики. Вопрос о специфическом для данного контекста применении всеобщих норм нельзя смешивать с вопросом об обосновании. Поскольку моральные нормы не содержат в себе уже и правила их применения, действие, исходящее из морального усмотрения, требует дополнительно способности герменевтического разумения или, по словам Канта, рефлектирующей способности суждения. Но отсюда ни в коей мере не вытекают следствия, которые поставили бы под вопрос ранее принятое решение в пользу позиции универсализма.³²

В-третьих, контекстуальный релятивизм должен восполнить те недостатки, которые выявляются на постконвенциональном уровне морального суждения, если не удастся справиться с обеими вышеозначенными проблемами. О *моральном ригоризме* мы можем говорить, когда отсутствует герменевтическая восприимчивость к проблеме применения и когда абстрактные моральные усмотрения применяются непосредственно к конкретным ситуациям: *fiat justitia, pereat mundus*.³³ Противопоставление этики склонности и этики ответственности, предпринятое Максом Вебером, в значительной своей части питается этой популярной критикой Канта. Об *интеллектуализации* мы говорим, когда моральные абстракции выполняют функции защиты. С. Гиллиган склонна опрометчиво считать эти *недостатки* признаками *нормальной* ступени постконвенционального мышления (PCF).

Наконец, она увязывает различие между PCF и PSS с противоположностью между ориентацией на справедливость, с одной стороны, и ориентацией на заботу или ответственность в отношении определенного круга лиц — с другой, и выдвигает гипотезу, согласно которой эти ориентации неравномерно распределены между двумя полами.

Однако если уяснить себе:

что в строгом смысле «моральная точка зрения» конституируется только с переходом от второй ступени интеракции к третьей посредством того,

что социальный мир подвергается морализации из гипотетической установки участника аргументации и отщепляется от жизненного мира;

что в результате деонтологической абстракции вопросы справедливости отделяются от вопросов добропорядочной жизни;

что моральные вопросы отрываются тем самым от своих контекстов точно так же, как и ответы на них — от своих эмпирических мотивов;

и что из этого отрыва вытекает необходимость контекстного подхода к применению моральных усмотрений и их особого мотивационного закрепления, — то решение этой проблемы требует опосредования между моралью и нравственностью, выходящего за пределы того, чего могут достичь моральные суждения в рамках деонтологической этики. Поэтому вряд ли имеет смысл дополнять или подвергать пересмотру ступени морального суждения. Обе вышеупомянутые проблемы лежат на другом уровне, нежели способность выносить моральные суждения; они требуют развития способностей, относящихся к другой категории, а именно разумения и восприимчивости к контексту, с одной стороны, и автономного самоуправления, с другой. Критические замечания,

³² Ют* $n^U \triangleright \text{""} \mathbb{E} \wedge \text{Reflexion}$ "nd kommunikative Erfahrung. F. a M thnX : IirV ^{P1} J^{10s} Ph'Sche Hermeneutik und hermeneutische Me-thode // Fuhrmann M., Jauji H. R. Pannenberg W. (Hrsg). Text und Ad-phkation, Munchen, 1981. S.483 ff; Habermas. 1981 Id 1 S 193 ff

³³ Пусть погибнет мир, но да пребудет справедливость (лат.).

18 Ю. Хабермас

высказанные в ходе развязанной С. Гиллиган дискуссии,³⁴ можно сгруппировать исходя из следующих позиций.

Когнитивная проблема применения

(а) Те, кто хотел бы дополнить моральные ступени Кольберга либо еще одной постконвенциональной ступенью (С. Гиллиган), либо введением некой параллельной ступенчатой иерархии (Н. Хаан), не проводят достаточно четкого различия между моральными и оценочными вопросами, между вопросами справедливости и вопросами добропорядочной жизни. Применительно к индивидуальному образу жизни последнему соответствует различие между аспектами самоопределения и самоосуществления.³⁵ Зачастую вопросы о более предпочтительных жизненных формах или жизненных целях, а также вопросы, связанные с оценкой характера и образа действий, ставятся лишь после того, как уже получены ответы на моральные вопросы в более узком смысле слова.³⁶ Впрочем, определенная с позиции этики дискурса моральная точка зрения не допускает рядом со справедливостью или нормативной правильностью никаких конкурирующих точек зрения *равного ранга*. Если в действенных нормах должны быть воплощены допускающие свое обобщение интересы, то в нормативной значимости уже учтен принцип всеобщего благоденствия (*principle of beneficence** Франкена³⁷) или принцип не знающей никаких привилегий заботы и ответственности за других (*care and responsibility* — насколько в этих понятиях представлены *моральные* принципы).

(б) Формулировка морального принципа в рамках этики дискурса исключает также ограничение сферы действия морального суждения, производимое в рамках этики склонности. Учет прямых и побочных действий, к которым предположительно поведет всеобщее применение в существующих контекстах какой-либо спорной нормы, не нуждается в какой бы то ни было *дополнительной* точке зрения в рамках этики ответственности. Правда, и будучи истолкованным с позиции этики дискурса практический разум требует практической проницательности в применении правил. Но из-за обращения к этой способности практический разум не встраивается в горизонт определенной эпохи или особой культуры. В сфере применения тоже возможны процессы обучения, руководствующиеся универалистским содержанием применяемой нормы.

(в) Принятие идеальных ролей служит ключом к обоснованию процедурного типа. Оно требует выполнения весьма существенных когнитивных операций. Последние в свою очередь внутренне взаимосвязаны с мотивами и чувственными установками, например эмпатией. Участие в судьбе «ближнего», который зачастую оказывается самым дальним, в случаях социокультурной дистанции является необходимым эмоциональным

³⁴ Прежде всего: Kohlberg L., Candee C. The Relationship between Moral Judgement and Moral Action. MS. Cambridge, 1980; Tilmann Habermas. Responsibility and its Role in the Relationship between Moral Judgement and Action. MS. Cambridge, 1981; Nunner-Winkler G. Two Moralities? A critical discussion of an ethic of care and responsibility vs. An ethic of rights and justice // Gewirth J., Kurintes W. (Eds). Morality and Moral development, Basic Issues in Theory and Research (готовится к печати).

³⁵ Habermas. 1981. Bd 2. S. 147 ff.

³⁶ Это имеет место, например, в исследованных С. Гиллиган случаях принятия решения в пользу аборт*; последствия, к которым такое решение приведет в отношениях с другом или супругом, в профессиональной карьере жены и мужа, в семейной жизни и т.д., принимаются во внимание лишь тогда, когда сам аборт представляется в моральном отношении допустимым. Подобным образом дело обстоит и с проблемами развода или половой неверности. Оба случая, описываемые Гиллиган и Мерфи (1981), подтверждают: только в том случае, если сама половая неверность представляется без сомнения допустимой в моральном отношении, приобретает значение вопрос о том, при каких обстоятельствах *утаивание* фактического положения дел от человека, которого это непосредственно и опосредованно касается, является в меньшей степени оскорбительным и в большей степени щадящим, нежели незамедлительное признание в нем.

³⁷ Frankena W. K. Ethics, Englewood Cliffs. 1973. P. 45 ff. * Принцип благодеяния (англ.).

условием, для того чтобы со стороны участника дискурса можно было ожидать определенных когнитивных достижений. Подобные связи между познанием, способностью вчувствования и любовью к ближнему могут приобрести значимость для применения всеобщих норм с герменевтической восприимчивостью к контексту. Эта осуществляемая в ходе обоснования и применения норм интеграция познавательных достижений и чувственных установок характерна для любой *зрелой* способности морального суждения. Только это понятие о зрелости обращает наше внимание на проявления морального ригоризма как на то, что наносит ущерб способности суждения; однако оно не должно привноситься в постконвенциональное мышление *извне*, в смысле противоположности между этикой любви и этикой законоустановлений, а должно вытекать из адекватного описания наивысшей моральной ступени как таковой.³⁸

Мотивационная проблема закрепления

(а) Те, кто хотел бы дополнить кольберговы моральные ступени в указанном смысле, не проводят достаточно четкого различия между развитием морали и развитием Я. В системе личности моральной способности суждения соответствуют механизмы контроля за поведением или структуры Сверх-Я. Последние формируются на высших ступенях только при дистанцировании от социального мира и в' размежевании с ним как с нормативно интегрированной структурой отношений, свойственной тому или иному общественному окружению; структуры Сверх-Я допускают анализ в базовых социально-когнитивных терминах, относящихся к регулируемому нормами действию. Напротив, тождественность Я формируется в более комплексных взаимосвязях коммуникативного действия, а именно в обращении со структурами объективного, социального и субъективного мира, постепенно выделяющихся из контекстов жизненного мира.³⁹

(б) Постконвенциональное разъединение морали и нравственности означает, что основные моральные воззрения не перекрываются более самоочевидностями культуры, достоверностями жизненного мира вообще. Тем самым и усмотрения лишаются устоявшихся в культуре эмпирических мотивировок. Чтобы устранить возникающий в результате этого разлад между моральными суждениями и моральными действиями, нужна система внутренних механизмов контроля за поведением, которые безоговорочно принимают к руководству основанные на принципах моральные суждения и дают индивиду возможность *управляя самим собой*; эта система должна функционировать автономно, то есть независимо от мягкого, но Тем не менее все же внешнего давления со стороны фактически признанных, легитимных порядков. Этим условиям может удовлетворить только полная интернализация нескольких в высшей степени абстрактных и всеобщих принципов, которые, согласно этике дискурса, открываются как принципы, имплицитно содержащиеся в процедуре обоснования норм. Теперь эти постконвенциональные структуры Сверх-Я можно *протестировать*, в том числе и поверяя ответы на вопросы типа «Что я должен делать?» ответами на вопросы типа «Что я стал бы делать?». Такие «суждения ответственности», которыми спрашиваемый выражает свое *намерение* также и действовать в соответствии со своими моральными

³⁸ Впрочем, в морально-теоретическом отношении молодой Гегель был еще кантианцем, когда разрабатывал историческую противоположность между христианской этикой любви и иудейской этикой закона. См. ранние произведения в издании Зуркампа.

³⁹ О понятии тождественности и концепции развития Я см.: *Ha-bermas*. 1976. S.67 ff; *Dobert, Habermas, Nunner-Winkler*. 1977. S.9 ff; *Noam G., Kegan R. Soziale Kognition und Psychodynamik* // *Edelstein, Keller*. 1982. S.422 ff.

суждениями или свою *уверенность* в этом, все еще находятся на том же когнитивном уровне, что и моральные суждения. Даже если их позволительно интерпретировать как выражение той или иной склонности, все же, *будучи суждениями*, они никоим образом не могут гарантировать согласованности между суждениями и действиями. Возможно, *такого рода* мотивационное закрепление, без которого нельзя претворить в действие постконвенциональную мораль, заключено в структуре способности к действию, то есть входит в состав социально-когнитивной оснастки, преобразованной в постконвенциональном плане. Однако удовлетворяют ли на деле психодинамические процессы потребностям этой структуры, явствует не из *ответов* на вопросы типа «Почему непременно я?», а только из самой практики.⁴⁰

(в) Даже когда удастся перейти к постконвенциональной ступени морального суждения, недостаточная мотивационная закрепленность может ограничивать способность к автономному действию. *Одной* особенно примечательной формой 'проявления этой рассогласованности между суждением и действием является интеллектуализация, благодаря чему тщательно разработанная моральная оценка явно выраженных конфликтов, к которым приводят те или иные действия, используется для защиты от конфликтов, вызываемых теми или иными влечениями и остающихся скрытыми.

(3) Третью трудность составляет группа моральных суждений, понудивших Кольберга ввести промежуточный тип 4¹/₂. Речь идет о релятивистских высказываниях, которые производятся, скорее, со стратегической, нежели с моральной точки зрения. Сперва Кольберг и его соратники склонялись к тому, чтобы подчеркивать их сходство с инструментальным гедонизмом второй ступени. С другой стороны, они не могли располагать эти суждения на преконвенциональной ступени, поскольку испытуемые этого типа использовали аргументацию более высокого уровня; гипотетическая установка, исходя из которой они оценивали социальный мир, не подвергая его морализации, также говорила в пользу родства их высказываний с суждениями, относящимися к постконвенциональной ступени. Поэтому Кольберг локализовал эти суждения в промежутке между конвенциональным и постконвенциональным уровнем; он поместил их на переходной стадии, которая нуждается, скорее, не в структурном описании, а в объяснении с точки зрения психодинамики, как проявление еще не преодоленного критического подросткового возраста.⁶³ Такая интерпретация неудовлетворительна, поскольку она не в состоянии объяснить возможность стабилизации этого уровня суждений. В пользу стабилизации говорит, кроме прочего, тот факт, что ценностный скептицизм «ступени» 4¹/₂ претерпел также философскую проработку и по линии Вебера-Поппера отстаивается как позиция, заслуживающая серьезного внимания.

Эмпирически обоснованный ценностный скепсис, объединяющий субъективистские подходы в этике, подвергает сомнению фундаментальное рационалистическое допущение, на котором основывается также и кольбергова теория морального развития. Современный приверженец ценностного скептицизма оспаривает возможность того, чтобы моральные вопросы разрешались с помощью приведения веских оснований, то есть неким intersubjectively обязующим образом; он проводит метаэтические исследования, которые должны объяснить, как обманчивый характер возникающих в повседневной жизни моральных состояний укоренен в нашем языке. Только психология

⁴⁰ В этом отношении Кольберг и Кэнди (1981) возлагают на «res-ponsibility-judgements» (суждения ответственности) чересчур тяжелые задачи.

— это, конечно, не тот форум, на который следовало бы вынести спор между скептиком и когнитивистом.⁴¹ Он должен вестись с использованием философских аргументов — во всяком случае, из этого исходит теория развития морального сознания. Психология же должна уметь объяснить, почему ценностный скепсис, который будто бы произрастает все же из логики развития морального сознания, выступает в качестве естественной стадии внутри этого развития. Кольберг не должен довольствоваться введением в иерархию ступеней морали некоей переходной ступени, объясняемой только с психодинамической точки зрения; принятое в целях классификации, это решение обязывает его к тому, чтобы указать *место переходной стадии* также и *с точки зрения логики развития*, то есть дать структурное описание ступени 4 1/2 подобно тому, как это сделано для других ступеней. Предложенное им описание этому требованию не удовлетворяет.⁴²

Таблица 8
Переходная ступень 4 1/2
Уровень В/С: переходный уровень

Это постконвенциональный, но еще не принципиальный уровень.

Содержание перехода. Ступень 4 1/2 — это ступень личного и индивидуального выбора. Последний основывается на эмоциях; сознание представляется столь же произвольным и относительным, сколь и такие идеи, как идея «обязанности» или «правильного в моральном отношении» поступка.

Переходная социальная перспектива. Перспектива этой ступени соответствует перспективе индивида, стоящего вне своего собственного общества и рассматривающего себя в качестве индивида, который принимает свои решения без каких-либо обобщенных обязательств по отношению к обществу или какой-либо договоренности с ним. Человек может выбирать между различными обязанностями, определенными теми или иными частными сообществами, но он не обладает принципами для такого выбора.

Неудобный для теоретического осмысления феномен переходной ступени я объяснил бы тем, что соответствующая группа опрошенных осуществляет переход к постконвенциональному уровню лишь частично. Если не удастся в полной мере интегрировать перспективы говорящего с мировыми перспективами и социальный мир не смыкается с соответствующей нормосообразующей установкой, то как раз в тех случаях, когда темой становятся попавшие под вопрос *притязания на нормативную значимость*, не удастся и наладить предполагаемую в дискурсе координацию между ориентированной на достижение успеха установкой стратегически действующего индивида и ориентированной на взаимопонимание установкой индивида, желающего продолжать коммуникативное действие другими, а именно аргументативными средствами. Социально-когнитивная оснащенность конвенциональной ступени интеракции реорганизуется в этом случае лишь настолько, что подросток, хотя и заучивает теоретическую аргументацию, но останавливается, так сказать, на пороге сферы моральной аргументации. В другом месте я описал эту гипотезу следующим образом.⁴³

Развивая способность гипотетического мышления в морально-практических вопросах, юноша выполняет необходимое и достаточное условие для *преодоления конвенционального образа мыслей*; однако этот шаг еще не предопределяет выбора между двумя альтернативными путями развития. Приобретенную дистанцию по

⁴¹ См. настоящий том, с. 64.

⁴² Kohlberg. 1981. P. 411.

⁴³ Reply to my Critics // Thompson, Held. 1982. P. 260 ff.

отношению к миру конвенций, которые в результате их гипотетического включения в горизонт возможностей утрачивают наивную силу социальной значимости и тем самым обесцениваются в результате рефлексии, юноша может использовать по-разному. Либо он постарается и на новом уровне рефлексии сохранить тот *смысл значимости* норм и предложений долженствования, который был присущ отжившему миру конвенций, обладавших фактической значимостью; тогда ему придется, не отказываясь от этической перспективы, реконструировать основные понятия моральной сферы. Социальную значимость фактически существующих норм он должен будет соотнести с той нормативной значимостью, которая удовлетворяет критериям рационального обоснования. Такое удержание реконструированного смысла нормативной значимости является необходимым условием для *перехода к постконвенциональному образу мыслей*. Либо же юноша избавится от конвенционального образа мыслей, не переходя к постконвенциональному. В этом случае крушение мира конвенций он связывает с распознаванием ложного когнитивного притязания, с которым до сих пор были сопряжены конвенциональные нормы и предложения долженствования. Тогда основные моральные понятия в их утратившем когнитивную ценность конвенциональном виде нуждаются в ретроспективном прояснении. Юноша должен устранить разногласие между моральными интуициями, которыми *как и прежде* определяется его неотрефлексированное повседневное знание и действие, и (мнимым) проникновением в иллюзорный характер этого конвенционально-морального сознания (хотя и обесцененного посредством рефлексии, но никоим образом не утратившего своих функций в повседневности). Место обновленного в постконвенциональном плане этического сознания заступает метаэтическое прояснение моральных иллюзий. Это прояснение тем легче может преодолеть указанные разногласия, чем удачнее теоретический скепсис оказывается примирен с интуициями, не ослабевающими в практической сфере. В этом отношении этический скептицизм М. Вебера, который и в теоретическом плане оставляет, нетронутым экзистенциальный характер ценностных связей, достигает, к примеру, большего, чем эмотивизм Стивенсона, который хочет отделаться от моральных интуиций, объявляя их чувственными установками. В перспективе теории Кольберга эти метаэтические версии должны мириться со ступенчатым подразделением в свете логики развития и со своей *подчиненностью* когнитивистским этикам.

(4) Последняя проблема у теории Кольберга общая со всеми теми подходами, которые проводят границу между компетенцией и ее исполнением. Поскольку компетенции можно фиксировать всегда только в осязаемых формах их проявления, то есть на материале феноменов, в которых они реализуются, эти теоретические подходы сталкиваются с особыми проблемами измерения. Только в той мере, в какой их удастся разрешить, факторы, определяющие реализацию компетенций, могут быть отделены от теоретически постулируемых способностей. Рекомендуются отличать факторы, которые должны присоединиться к приобретенной компетенции в качестве *дополнения* или *могут* присоединиться к ней как *побуждающие* и *ускоряющие* факторы, от *препятствующих* и *тормозящих* факторов, которые обретают действенность в роли своеобразного фильтра.

Конечно, было бы грубым упрощением рассматривать моральные суждения в качестве меры компетенции, а моральные действия — в качестве меры ее реализации. С другой стороны, мотивационное закрепление постконвенциональной способности суждения в аналогичным образом устроенных структурах Сверх-Я является примером

определяющих реализацию компетенций факторов *дополняющего* характера, без которых не могут обрести практической действительности моральные суждения, относящиеся к этой ступени.⁴⁴ Как правило, расхождения между суждением и действием, конечно, можно будет свести к воздействию тех или иных *препятствующих* факторов. Об этом имеется немало интересных исследований.⁴⁵ Среди негативных факторов, определяющих реализацию компетенций, имеются такие, которыми можно объяснить тот или иной дефицит мотивации; а среди последних, в свою очередь, особый интерес представляют защитные механизмы, впервые систематически исследованные Анной Фрейд, поскольку они препятствуют необходимому в структурном отношении формированию мотивов, а потому и могут быть проанализированы *с точки зрения структуры*.

Отождествление и проекция — два фундаментальных, приобретенных в раннем детстве механизма защиты от конфликтов. По-видимому, только на конвенциональной ступени интеракции из этих корней формируется знакомая система защитных механизмов.⁴⁶ Последние различаются по тому, как они *подмывают* возникающее на этой ступени различие между действиями, ориентированными на взаимопонимание, и действиями, ориентированными на достижение успеха. Защита в общем осуществляется за счет того, что сооружаемые во внутренне психической сфере коммуникативные барьеры отделяют остающийся неосознанным стратегический аспект действия (служащий исполнению неосознанных желаний) от явно выраженной интенции действия, нацеленного на достижение взаимопонимания. Таким образом, субъект сам может обмануть себя в том, что он объективно нарушает общие предпосылки действия, ориентированного на достижение взаимопонимания. Бессознательно мотивируемые действия можно объяснить латентной, то есть скрываемой от самого себя и от других дифференциацией между стратегическим и коммуникативным действием, причем присущий защитным действиям эффект самообмана может быть истолкован в смысле нарушения внутриспсихической коммуникации. Эта интерпретация пользуется понятием о систематическом образом искажаемой коммуникации, которая может в зеркальном отражении выступать на межличностном и на внутриспсихическом уровне. Но это понятие само еще должно быть рассмотрено с точки зрения теории коммуникации.⁴⁷

⁴⁴ Dobert R., Nunner-Winkler C. Performanzbestimmende Aspekte des moralischen Bewusstseins // Portele G. (Hrsg.). Serialisation und Moral. Wein., 1978.

⁴⁵ Edehlein W., Keller M. Perspektivität und Interpretation // Edelstein, Keller (Hrsg.), 1982; Ddberi R., Nunner-Winkler G. Abwehr und Bewältigungsprozesse in normalen und kritischen Lebenssituationen. MS. München, 1983.

⁴⁶ Haan N. A Tripartite Model of Ego Functioning // J. Neurol. and Mental Disease. Vol. 148. N 1, 1969. P. 14—29.

⁴⁷ Интересную модель «ложного самопонимания» предлагает Лев-Бер (Low-Beer M. Selbsttauschung // Diss. Phil. Univ. Frankfurt, 1982).